

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

Жестокий мир мужчин

АВАНТЮРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Жестокий мир мужчин

«ЭКСМО»

Полякова Т. В.

Жестокий мир мужчин / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
— (Авантюрный детектив)

Красавица Анастасия не может поверить в то, что ее муж – убийца. Сердце любящей женщины подсказывает ей, что кто-то другой совершил жестокое преступление, искусно подставив Илью. На свой страх и риск Анастасия пытается восстановить события той роковой ночи. К ее ужасу, все, с кем она встречается, трагически, погибают при весьма странных обстоятельствах. Но ничто не в силах заставить ее прекратить поиски правды. Она даже не подозревает, сколь жестокой и мучительной окажется истина...

© Полякова Т. В.

© Эксмо

Татьяна Полякова

Жестокий мир мужчин

Звонок поднял меня в час ночи. Я села в постели, провела по лицу ладонями, включила ночник и устала на телефон. Тяжело вздохнула, уже зная: звонивший весьма настойчив и не утомится до тех пор, пока я не сниму трубку.

Я отбросила одеяло, сунула ноги в тапочки, прошла до окна и обратно, косясь на телефон, он звонил с равными интервалами и явно не собирался заткнуться.

«Отключить бы его к чертовой матери», – подумала я и пошла в кухню искать сигареты.

Потом долго шарила по столу в поисках спичек, закурила, глядя в окно и слушая, как надрывается телефон.

– Настырный, сукин сын, – усмехнулась я.

Звонки уже по-настоящему действовали на нервы. Телефон на ночь следует отключать, этот тип всегда звонит ночью. Или под утро... Отключить, конечно, можно, но где гарантия, что он оставит меня в покое и не станет, к примеру, звонить в дверь, а может, придумает еще что-нибудь затейливое, чтобы сделать мое существование невыносимым. Телефон, по крайней мере, привычнее.

Я вернулась в комнату, еще раз вздохнула и сняла трубку.

– Я тебя не разбудил? – поинтересовался мужской голос.

Отвечать я не собиралась. Я просто слушаю этого идиота и никогда не произношу ни слова.

– Извини, если позвонил не вовремя. – В его голосе прозвучала откровенная издевка.

Я стала рассматривать фотографию на стене, это позволяет отвлечься и не обращать внимания на его слова. Впрочем, особенно разговорчивым он не был, вот и сегодня хохотнул и заявил с лютой ненавистью, неизменно меня удивлявшей:

– Тебе осталось две недели. Слышишь, сука?

Я закрыла глаза, потерла переносицу, ожидая, что он скажет еще.

– Две недели, – повторил он и повесил трубку.

Я прикурила новую сигарету и устала в пол, зябко ежась, с тоской думая о том, что уснуть уже не смогу, а это означало еще одну жуткую ночь и беспросветное одиночество.

– Сукин ты сын! – бросила я в сердцах, глядя на телефон, по-настоящему не испытывая к своему мучителю никакой ненависти. Нет, я рада, что хоть кто-то в этом городе еще ждет его и считает дни. Затушила сигарету, подошла к стене и коснулась пальцами лица на фотографии. – Я люблю тебя, – проронила жалобно. Господи, кому это интересно... – Я люблю тебя, – повторила уже тише и, конечно, заревела. А что я еще могу?

Сползла на пол, вытянула ноги и сжала ладонями виски. Последнее время это повторялось из ночи в ночь – сидение в углу, раскачивание из стороны в сторону и безуспешные попытки найти ответ: что же произошло тогда, пять лет назад? И сегодня, проделав все это, я завела привычную песню – глядя на фотографию, спросила жалобно:

– Как ты мог поверить, что я тебя предала?

Лицо с фотографии насмешливо улыбалось. Ладно, через две недели я получу ответ. Этот тип, кто бы он ни был, прав: осталось две недели.

Звонки начались год назад, второго июня. Уже несколько лет второе июня было самым страшным днем в моей жизни, и ничего хорошего я от этого дня не ожидала, и вдруг поздний звонок. Тогда впервые я услышала голос моего ночного мучителя.

– Через год он вернется, – с усмешкой напомнили мне тогда. – Тебе остался год, сука. Слышишь?

Потом он стал звонить каждое второе число, отсчитывая месяцы, потом звонки стали чаще: он считал недели.

Я тоже их считала: годы, месяцы, недели и дни. Их было так много, одинаково серых, тоскливых, без проблеска надежды.

– Ты не должен был верить... – в пустоту проронила я. Не должен? Кому, чему? О господи!..

Я прошла в кухню, достала коньяк из шкафчика, торопливо налила чуть меньше половины стакана, залпом выпила, постояла, пялясь в темноту за окном.

– Мне бы только прожить эти две недели. Две недели – это сушая ерунда, ей-богу. Четырнадцать дней и ночей. Всего-то...

Я вцепилась руками в подоконник и завывала, стиснув зубы и зажмурившись.

В первое время такое пугало, я всерьез боялась, что схожу с ума. Теперь стало привычным. Пальцы разжались, я судорожно вздохнула и открыла глаза.

– Две недели – это ерунда, – повторила сама себе с ухмылкой.

Телефон опять зазвонил. Я вздрогнула, постояла, прислушиваясь. Может, он изменил правила игры? Может... почему бы нет? Прошла в комнату и сняла трубку:

– Я слушаю.

– У тебя свет горит, – сказал Сашка. – Что, опять?

– Опять, – ответила я.

– Придушить бы этого сукина сына...

– У Ильи что, так много друзей?

– Хорош друг...

– Он его ждет, – вздохнула я. – Значит, друг. Ты многих знаешь, тех, кто ждет его?

– Успокойся, – попросил Сашка. – Я тебя прошу... Все будет хорошо. Через две недели он вернется, и все будет просто здорово. Я тебе клянусь...

– Конечно, – глотая слезы, согласилась я. – Конечно... все будет просто отлично, – швырнула трубку, схватила подушку и уткнулась в нее лицом.

Ключ в замке повернулся, дверь хлопнула, слышались торопливые шаги. Я приподняла голову и увидела Сашку. Он вошел, посмотрел на меня укоризненно и отправился в кухню. Мне было слышно, как хлопает он дверцами шкафчиков, потом он швырнул стакан в мойку и вернулся в комнату. Ночник освещал его снизу, придавая лицу что-то сумрачное, даже трагическое.

– Так... – Он собрался высказаться резко и даже зло, вместо этого вздохнул, сел рядом и взял мою руку. Осторожно поцеловал и прижал к своей щеке. – Бессонница и коньяк, – усмехнулся невесело. – Опять одно и то же.

Я высвободила руку и стала смотреть в потолок, предметы в тусклом свете ночника отбрасывали причудливые тени, и я порадовалась, что Сашка рядом со мной.

– Коньяк, это что – норма жизни? – недовольно проворчал он.

– Хочешь сказать – много пью? – хмыкнула я.

– Нет. Ты не пьешь. Ты себя в гроб вгоняешь. Ты не спишь ночами, пьешь, куришь до отупения и пялишься в потолок.

– Странно, да? – спросила я насмешливо. – На моем месте другая женщина веселилась бы до упаду. И спала бы по ночам сладко, точно младенец.

– Самое страшное позади, – помолчал, сказал он. – Осталось две недели. Две недели ты можешь выдержать? Без коньяка и ночных истерик?

– А что изменится через две недели? – жалобно спросила я, а Сашка пожал плечами.

– Он вернется.

– И что? – Я стиснула рот рукой, боясь, что опять разревусь.

Сашка долго смотрел на меня, очень долго, за это время я немного успокоилась, прикрыла ладонью глаза от света и стала смотреть в никуда, а потом попросила:

– Ладно... Прости меня. У тебя своих забот полно. Я веду себя как последняя дура. Прости.

– Какие у меня заботы? – хмыкнул он, вытянулся рядом, обнял за плечи и стал гладить мои волосы.

– Помнишь, я болела корью... – неожиданно спросила я. – В каком классе?

– В детском саду. В подготовительной группе. А что?

– Ничего. Просто подумала... Как давно это было...

Тогда я вроде бы шла на поправку, и мама выписалась на работу. Сашка жаловался на головную боль, и родители на всякий случай оставили его дома. Мы играли в разбойников, прыгали с шифоньера на диван, разучивали на пианино «собачий вальс» и вообще веселились от души. К обеду у меня вдруг поднялась температура, я задыхалась и тряслась в ознобе. Сашка позвонил маме, а потом сидел рядом со мной, вцепился в мою руку обеими руками и смотрел испуганно.

«Сашка, я ведь не умру?» – перепугалась я так, что начала заикаться, а он затряс головой и сказал:

«Нет. Чего ты? – А потом добавил: – Я тебя люблю. Очень».

«И я тебя», – ответила я, и это было сущей правдой.

Я всегда его любила, больше, чем родителей, больше, чем бабушку, больше всех... до некоторого времени. А в Сашкиных глазах, когда он смотрел на меня, с тех пор где-то в самой глубине зрачка таился страх. Я прижалась к нему и сказала:

– Я люблю тебя...

– Все будет хорошо, – повторил он и поцеловал мои волосы. – Вот увидишь. Он вернется, и все будет хорошо.

– Он ни разу не написал мне, – всхлипнула я. – Он не хотел меня видеть. Он считает, что я во всем виновата. И это правда.

– Что правда? – вздохнул Сашка.

– Все. Если бы не я...

– Вот что... – Он поднялся. – Давай-ка выпьем. Коньяк еще остался. И поговорим.

Сашка сходил на кухню, вернулся с двумя рюмками и бутылкой, поставил их на тумбочку, неторопливо разлил коньяк.

– Давай... за нас.

Я выпила и опять легла, закинула руки за голову и уставилась в потолок.

– Ведь он не убивал... – сказала я скорее себе, чем Саше.

– Конечно, нет, – кивнул он.

– Но его посадили...

– Менты имели на него большой зуб, и вдруг так подфартило... Грех было не воспользоваться...

– А я... я только все испортила... – чувствуя, что опять скатываюсь в истерику, прошептала я.

– Ты хотела его вытащить. Только за него взялись всерьез и серьезные люди. Тебя допрашивали двенадцать часов почти непрерывно. Кто смог бы выдержать такое?

– Я... я должна была выдержать.

– Чепуха. Ни ты, ни я, ни он сам... Улики налицо, менты довольны. Это ж было не расследование, а рождественский подарок. Оружие, из которого только что стреляли, в его машине, и сам он в сотне метров от дома, где совершено преступление, в этой самой машине задержан через десять минут после убийства. Твои показания ничего бы не изменили.

– Но ведь он не убивал?

- Нет. Мне он врать бы не стал. Да и на кой черт ему убивать этого придурка?
- Все решили по-другому...
- Забудь. Это не имеет значения.
- Он тоже так решил, – упрямо сказала я. – Он меня бросил. Скажи, за что?
- Не начинай все сначала, – нахмурился Сашка. – Ты все знаешь не хуже меня. Его подставили, да так ловко, что у него не было шансов выкрутиться. Ни одного шанса. Он не был бы самым собой, если бы сразу сдался, но и он не верил, что выкрутится. Слишком многим хотелось, чтобы он сел.
- Он бросил меня, – зарываясь лицом в подушку, напомнила я. – Он считает, что я его предала...
- Чушь собачья. Он не бросил, а сел в тюрьму. И он не хотел тебя связывать на долгие годы. Не такой он человек. Согласен, у него не очень хороший характер, но винить тебя он бы никогда не стал.
- А может, ему просто наплевать...
- Вот что, – вздохнул Сашка. – Давай-ка спать. Если не возражаешь, я останусь у тебя.
- Хорошо, постелю тебе на диване. – Я поднялась, а Сашка ушел в ванную. – Как твои дела? – догадалась спросить я, когда он уже лег.
- Мои дела? Нормально. Как же еще?
- Где ты был?
- Когда? – не понял он.
- Я хочу сказать, откуда ты ко мне приехал?
- А-а... Так, посидели в одном месте... перекинулись в картишки. Отправился домой, вижу, у тебя свет горит, вот я и позвонил...
- Его ждут? – без всякой связи спросила я.
- Кто? – вроде бы удивился Сашка.
- Не знаю... Кто-то... Например, те люди, которым очень хотелось, чтобы он оказался в тюрьме... Это опасно, да?
- Сашка лежал, глядя в потолок, потом повернулся ко мне и заговорил очень серьезно:
- Послушай меня, пожалуйста. Когда он сел, нам здорово досталось: тебе, мне, всем, кто был с ним. Тигр в клетке, шакалы воют... Не мне тебе рассказывать, что было. Время прошло, и ничего не вернуть: он отсидел за убийство, которое не совершал. И он возвращается.
- Просто возвращается? – уточнила я.
- Да. Именно так. Он не хочет мстить, если ты об этом. И не собирается искать тех, кто его подставил. Он просто хочет жить. Это понятно?
- Конечно, – усмехнулась я. – Если бы речь шла о ком-то другом.
- Ты можешь относиться к этому как угодно, но все обстоит именно так.
- Выходит, он здорово изменился, – усмехнулась я.
- Не он один. Мы все изменились. А ему досталось больше всех.
- Я посмотрела на фотографию на стене, не выдержала и заревела, кусая пальцы.
- За что? Скажи, за что он так поступил со мной?
- Тихо, тихо, тихо, – шептал Сашка, оказавшись рядом. – Не начинай все сначала. Все будет отлично, верь мне. Он вернется, мы сядем втроем, как раньше, и обсудим наши дела.
- Не в этом дело, – немного успокоившись, сказала я. – Он меня не любит. Просто не любит. И это самое страшное.
- Я прошу, потерпи еще две недели, идет?
- Я потерплю, – кивнула я. – Только для меня ничего не изменится через две недели. Я не нужна ему, и он считает меня виноватой.
- Послушай. – Сашка сжал мои плечи и заговорил торопливо, точно боялся, что не успеет все сказать: – Ты знаешь, как я люблю тебя, а он всегда был мне лучшим другом. Самым луч-

шим. С тех пор как умерли родители, у меня остались только вы... Я точно знаю: все будет хорошо. Просто надо еще немного потерпеть. Ты поняла?

Я положила голову ему на колени и зажмурилась. Мне очень хотелось верить... только верил ли сам Сашка в то, что обещал мне?

Я проснулась от шума воды в ванной, взглянула на часы. 7.30. Приподнялась на локте и позвала:

– Саша.

Он выглянул из-за двери, улыбнулся и сказал:

– Еще рано. Спи, – и вновь исчез в ванной, а я встала, накинула халат и вышла в кухню. Быстро приготовила завтрак.

Сашка появился минут через пятнадцать, устроился за столом и стал есть, весело на меня поглядывая, веселье он слегка переигрывал, в глубине зрачков притаилось беспокойство.

– Вкусно, – похвалил он. – Зря так рано встала... Перехватил бы что-нибудь по дороге.

– Мне нравится тебя кормить, – пожала я плечами. – Еще мне нравится просыпаться по утрам и знать, что ты рядом... Жаль, что мы не можем жить вместе, как раньше.

– Жаль, – согласился он. – Женщина не должна жить одна. – И добавил с поразившей меня уверенностью: – Это скоро кончится.

Сашка взглянул на часы, торопливо допил вторую чашку кофе и пошел к двери.

– Заеду вечером, – кивнул он на прощание.

– Не надо, – покачала я головой, он остановился, а я пояснила: – Спасибо, но мне не нужна нянька. Я справлюсь, честно.

– А как насчет коньяка? – усмехнулся он.

– Бутылку допили вчера.

– А ночной псих?

– Ну его к черту! – Я хмыкнула, развела руками и добавила: – Мне кажется, он неплохой парень. По крайней мере, мы точно из одной команды.

Сашка закатил глаза, покрутил головой и сказал:

– Ноги бы ему выдернуть. Вместе с языком, – махнул рукой и ушел, а я стала смотреть в окно.

Вот он выходит из подъезда, поднял голову, посмотрел на меня и улыбнулся. Я кивнула в ответ, дождалась, когда он сядет в машину, а потом покинет двор. Прошлась по квартире, замерла перед фотографией на стене и долго-долго смотрела.

– Ты вернешься, – сказала громко. – Только не ко мне. Но все равно я очень рада.

Я затеяла уборку и начала новую жизнь. Понедельник – самый подходящий для этого день. Никакого нытья и истерик, курить я уже бросила, в будущее смотрю с оптимизмом. За оставшиеся дни следует похудеть на пару килограммов, больше находиться на свежем воздухе, немного загореть и вспомнить наконец, что я красивая женщина.

Все это я говорила себе с усмешкой, но выработанной программе собиралась четко следовать.

В дверь позвонили, очень настойчиво и, должно быть, не в первый раз. У меня работал пылесос, и звонок я услышала не сразу, крикнула:

– Сейчас! – и пошла открывать.

На пороге стояла Лерка. Одиннадцать утра, а она уже, как говорится, лыка не вяжет.

– Проходи, – вздохнула я, распахивая дверь пошире и отходя в сторону. – Привет.

Лерка споткнулась на пороге, буркнула:

– Черт, – и с трудом добралась до кресла. – Выпить есть?
– Нет, – ответила я. – Слушай, что сегодня за праздник?
– У меня нет праздников, сплошные будни, чтоб ты знала. Честно, есть у тебя коньяк?
– Нет. Можешь проверить. Хочешь, напою тебя чаем.
– Катись ты со своим чаем, знаешь куда... – Лерка тряхнула головой, резко выдохнула воздух и поинтересовалась: – Сашка у тебя ночевал?
– У меня, – кивнула я.
– Разумеется. Где же еще. И вчера, и позавчера, и всю жизнь только у тебя. Да?
– Прекрати, – поморщилась я. – У меня нет ни малейшего желания наблюдать чужую истерику. Свои надоели.
– Тебе опять кто-то звонил, и он прибежал сломя голову? Ехал мимо, увидел, что горит свет. – Она засмеялась. – Ты и твой дерьмовый братец... Как я его ненавижу... Всегда одно и то же...

– Почему бы вам не оставить друг друга в покое? – зло предложила я.
– Разумеется. Ты об этом только и мечтаешь. Ты всегда меня ненавидела, всегда, с того самого дня, когда он нас познакомил. Конечно, все вокруг должны любить только тебя, ты самая необыкновенная, да... а что я? Ты хочешь, чтобы он меня бросил, и вечно его так настраиваешь. И покрываешь эту сволочь. Он изменяет мне с каждой юбкой, а ты его покрываешь! – Последние слова она уже кричала.

Конечно, Сашка изменял ей. Сейчас, глядя на Лерку, я не особенно его осуждала. Она сидела, раздвинув колени, руки свисали почти до пола, на лице вчерашняя косметика, волосы включены, вряд ли она догадалась расчесаться с утра. Шесть лет назад она была красавицей, сейчас мало кому пришло бы в голову так ее назвать.

– Слушай, – предложила я, – ложись на диван, отдохни немного. А вечером встретишь Сашку с работы, заедете в какой-нибудь ресторан...

– В ресторан он ходит с другими, – хохотнула она. – Слушай, чего он меня не бросит к чертовой матери, а? Ты ведь знаешь, у вас секретов не бывает, что он говорит? Жалко меня, да? Вы же добрые. И еще честные и благородные. Чертова семейка... сволочи, вот вы кто. И ты, и твой братец.

– Заткнись, пожалуйста, – попросила я. – Иначе суну тебя под холодный душ, в прошлый раз тебе не понравилось.

– Конечно, – пьяно ухмыльнулась Лерка. – Я алкоголичка и стерва, так он говорит. А ты у нас ангел... ангел. А я знаю, кто настоящая стерва. И не одна я знаю, очень многие. – Она вдруг принялась хохотать, однако недолго, смех резко оборвался, Лерка нахмурилась и ткнула в меня пальцем. – Знаешь, что о тебе говорят? Не знаешь? Могу рассказать. Ты шлюха, вот ты кто. Шлюха, грязная, подлая шлюха. Ты думаешь, если пять лет сидишь в этой норе затворницей и носа никуда не кажешь, все уже забыли? Святую из себя корчишь? Как бы не так, – обычно в этом месте она замолкала, но не сегодня. – Он-то знал, что ты за штучка, твой Илья. И послал тебя ко всем чертям...

Я села напротив и попросила:

– Расскажи мне...
– О чем? – вроде бы удивилась Лерка, приходя в себя.
– О том, что говорят.
– Ничего не говорят... – Она нахмурилась и стала разглядывать что-то на полу.
– Тебе Сашка не велел говорить со мной об этом?
– В гробу я видела твоего Сашку. – Она покусала губы, потом тяжело вздохнула: – Не слушай ты меня. Знаешь ведь, пьяная – я дура. Второй день пью. Сашка домой заходит редко, так, от случая к случаю. Бросил бы в самом деле, может, и к лучшему...
– Что говорят, Лерка? – напомнила я.

Она вроде бы испугалась.

– Что... всякую чушь. Убийство на почве ревности, как будто ты не знаешь.

– Знаю. Только Илья меня не ревновал, тем более к Андрею. Я не давала ему ни малейшего повода меня ревновать.

– Он тебя любил, – помолчав, заметила она. – Очень. Илья странный мужик. Про такого никогда не скажешь, что у него на уме.

– Что за чушь, Лерка. Ведь ты знаешь, идею о ревности подкинули адвокаты, когда стало ясно, что ему не выкрутиться.

– Ну... – Она нахмурилась еще больше. – Он ведь бросил тебя, разве нет? Он послал тебя ко всем чертям. Почему? Если ты не виновата...

– Наверное, в чем-то виновата, – согласилась я. А Лерка неожиданно опять засмеялась и даже погрозила мне пальцем:

– Умеее вы придуриваться, ты и твой братик. Я бы поверила, ей-богу... нет, честно, поверила бы...

– Во что? – осторожно спросила я.

– В то, что ты ангел. И воплощение невинности. И еще черт знает что. А твой брат отличный парень. Брат и Друг. Оба слова с заглавной буквы. Вот именно: Брат и Друг. Хочешь скажу, почему этот сукин сын меня никак не бросит? – Она махнула мне рукой, я машинально наклонилась, а она зашептала: – Не может: твой чертов братец боится. Потому что я следила за ним той ночью. Улавливаешь? Я за ним следила. Ему придется убить меня или мучиться до самой смерти... Здорово, правда? – Она принялась хохотать, а я смотрела на нее и пыталась понять: что это, пьяный бред или в самом деле существует нечто, мне неизвестное.

– Давай-ка спать, – так и не сделав никакого вывода, сказала я. Сунула ей подушку под голову и достала одеяло.

Лерка спала, хмурясь и зябко поеживаясь. Я закончила уборку и устроилась на лоджии. Курила, забыв про недавнее обещание бросить, смотрела на проспект и думала. Что-то в словах Лерки не давало покоя.

Я покосилась на диван, где она спала, покачала головой и потянулась за новой сигаретой.

У меня собственная точка зрения на происшедшее несколько лет назад, по наивности я считала, что моя точка зрения – едва ли не единственная; конечно, у милиции была своя, но меня она не интересовала.

Я добровольно обрекла себя на некое подобие затворничества не потому, что таким образом пыталась искупить вину, просто никого не хотела видеть. Люди и разговоры раздражали. Общение с внешним миром я попыталась свести до минимума, а теперь об этом сожалела. Что-то происходило там, за стенами моей квартиры, что-то, что напрямую меня касалось, и моя точка зрения вовсе не была единственной, иначе как объяснить то, что Илья просто вышвырнул меня из своей жизни. Должна быть причина. Мне она неизвестна, но должна быть...

Лерка подняла голову, сонно посмотрела по сторонам, потом позвала:

– Аська, я у тебя, что ли?

– У меня. – Я вернулась в комнату, села на диван рядом с Леркой, спросила: – Хочешь чаю? С лимоном... Или сок, ананасовый.

– Чаю давай, – кивнула она. – И пожрать чего-нибудь. Кишки сводит...

Я быстро накрыла на стол и позвала ее.

Лерка умылась, расчесалась и села за стол, слабо постанывая.

– Убила бы дуру, – сказала она вдруг со злостью.

– Кого? – усмехнулась я.

– Себя, конечно.

Лерка была почти трезвой, а в таком состоянии предпочитала заниматься самобичеванием.

– Может, лучше бросить пить?

– Бросишь, как же... – разозлилась она. – Твой чертов братец... А-а... – Она махнула рукой и стала уплетать щи.

Я помолчала немного, наблюдая за Леркой, потом осторожно спросила:

– Ты говорила, что следила за Сашкой той ночью...

– Какой? – насторожилась Лерка.

– Той ночью, когда арестовали Илью.

– Я такое говорила? – Она испугалась, нервно поежилась, поглядела во все четыре угла моей кухни и сказала: – Аська, ты же знаешь, пьяная я – дура дурой. Чего хочешь соврать могу. Не бери в голову, а? Это я так, со злости... У нас сейчас с Сашкой не очень, а я люблю его. Ты же знаешь, мне без него хоть сразу в петлю. А ему хоть бы что. – Тут она заревела, а я вздохнула и возразила, вычерчивая ложкой узоры на столе:

– Ему не все равно.

– Как же... – Лерка шмыгнула носом и уставилась на меня. – У него баба есть, он даже не скрывает, при мне ей звонит.

– Извини, но мне кажется, это неправда, я имею в виду, что ему настолько все равно, что он не желает ничего скрывать.

– Ну, хорошо, он скрывает, но я-то не дура, я ж все вижу, и кому он звонит, знаю... Он тебе что-нибудь говорил про нас?

– Да. – Я вздохнула. – Говорил, что ваши отношения вконец испортились, что вы живете, словно чужие, ты много пьешь, и он не знает, как все изменить. Винит во всем себя.

– Конечно, винит... А сам дома сутками не показывается. И на меня ему плевать. Ходит мимо, точно я мебель... Он меня бросит? Что он говорил, а?

– По-моему, ему это даже в голову не приходило.

– Правда? Если он меня бросит, я не знаю, что сделаю... Я хочу ребенка, а он нет, почему? Потому что не собирается со мной жить?

– Он не хочет ребенка, потому что ты хроническая алкоголичка и ребенок может родиться двухговым. Извини, что я так резко, но кто-то должен сказать тебе это.

Лерка вытаращила глаза и замерла, не донеся ложки до рта.

– Это он так сказал? – спросила она где-то через минуту.

– Это я так сказала.

Она швырнула ложку, вздохнула и уставилась на меня.

– Вы очень похожи, – заметила она без злобы. – Ты и твой брат. Жаль, что вы родственники, вот бы парочка получилась... Скажи, ведь на самом деле вам никто не нужен, верно?

– Что ты имеешь в виду? – удивилась я.

– Вы любите только друг дружку, и вам никто не нужен. Никто.

– Это интересная мысль. – Я усмехнулась, а Лерка насторожилась, ее взгляд заметался, она покусала нижнюю губу и попросила жалобно:

– Аська, не говори ему про то, что я здесь наболтала. Я просто пьяная дура и болтаю всякую чушь. И злюсь, что сестру он любит в сто раз больше меня. Может, я виновата, но это обидно, понимаешь?

– Понимаю. Только чего ты вдруг занервничала? Ты сегодня сказала, что следила за Сашкой в ту ночь, когда арестовали Илью. И по этой причине он тебя не смеет бросить. Жутковато звучит, да?

– Если ты думаешь... если ты думаешь, что это как-то связано с Ильей, – запаниковала Лерка, – то зря. Мне просто нравится по пьянке пугать всех подряд, я, мол, крутая и все такое... Ты ведь знаешь, Сашка никогда от тебя ничего не скрывает. И если бы тогда что-то... – Тут она побледнела и, окончательно запутавшись, жалобно на меня уставилась.

– Я ничего ему не расскажу, – заверила я и стала смотреть в окно.

Аппетит у Лерки пропал, она торопливо пила чай, избегая встречаться со мной взглядом.

– Скажи, – подумав, попросила я, – в чем меня считают виноватой?

– Кто?

Я пожала плечами.

– Не знаю кто... Люди. Ведь что-то говорили тогда, разве нет?

– Бог с ними, – вздохнула Лерка. – Чего дураков слушать... Мне Сашка голову оторвет.

– Не оторвет. Он не узнает.

– Охота тебе все это ворошить. И я дура. Сунулась с длинным языком... Говорят, что ты была любовницей Андрея. В ту ночь Илья застал вас на его квартире. Ты убежала, а его он убил. На суде Илья промолчал о том, что вас застукал, не желая трясти грязным бельем... ну и тебя пожалел. После чего вырвал тебя из сердца, закопал на пять метров в глубину и залил цементом. – Лерка невесело хохотнула.

– Занятно, – кивнула я, а она неожиданно разозлилась:

– Чушь собачья, глупая сказочка для полудурков.

– А если это действительно так? – подумав, спросила я.

Лерка растерялась, потом нахмурилась и сказала:

– Мне можешь не заливать. Чушь все это, кому и знать, как не мне...

– Чушь, – согласилась я, и мы выпили по чашке чаю, старательно избегая глаз друг друга.

– Сашка говорит, Илья вернется, и жизнь наладится, – тихо заметила она. – Как думаешь?

– Не знаю, – ответила я честно.

– Он его вправду ждет.

– Кто? – не поняла я.

– Сашка.

Ее ответ меня поразил. Я торопливо поднялась, отошла к плите, повернувшись спиной к Лерке, стараясь скрыть охватившее меня смятение, а успокоившись, сказала твердо:

– Конечно, он его ждет. Ведь они друзья.

– Друзья, – согласилась Лерка, я попробовала обнаружить в ее голосе усмешку, но не смогла.

Лерка взглянула на часы и засобиралась домой. Я решила ее проводить, она охотно согласилась.

День был солнечным, но нежарким, улицы заполнены гуляющими.

– Мы хотели на юг съездить, – сообщила Лерка. – На пару недель. Поедем с нами.

– Может быть. Когда собираетесь?

– Позже. Я имею в виду, Ильюждемся. Может, и он поедет, было бы здорово, правда?

– Да, – согласилась я.

Она несколько минут шла молча, потом сказала:

– Извини, что я тебе настроение испортила... Я пить брошу, правда, с завтрашнего дня.

– Хорошая мысль.

Тут на глаза мне попался телефон.

– Давай позвоним Сашке, – предложила я.

– Вряд ли он дома, уже восемь часов.

– Позвоним на работу.

– Тогда ты звони, – кивнула Лерка.

Я набрала номер и вскоре услышала Сашкин голос:

– Да.

– Это я, мы с Леркой гуляем, решили заглянуть к тебе.

– Как там она?

– Отлично.

– Что ж, заглядывайте. В баре ни души, вы будете первыми посетителями.

Лерка слушала, прижав ухо к трубке.

– Поедем? – спросила она.

– Лучше пешком. Погода хорошая, грех не прогуляться.

Лерка взяла меня под руку, и мы направились в старую часть города. Здесь, на одной из маленьких улочек, располагался ночной клуб, который принадлежал Сашке... и Илье. Сашка это неизменно подчеркивал, хоть и являлся по документам полноправным владельцем. Несколько лет назад клуб был самым популярным в городе, но после ареста Ильи Сашке пришлось нелегко, власти искали повода разделаться с ним, да и многочисленные недруги почувствовали себя вольготно и портили ему жизнь как могли. Думаю, Сашка держался за клуб из упрямства, вряд ли это заведение приносило сейчас большой доход. Разговоров на эту тему брат всячески избегал, и я не лезла.

Возле дверей стоял охранник и курил, поглядывая на редких прохожих.

– Привет, – сказала Лерка, я кивнула, он ответил:

– Привет, – и с удивлением уставился на меня: я не появлялась здесь несколько лет.

Мы вошли в бар, за то время, что мы сюда добирались, бар заполнился почти до отказа, все столы были заняты, за стойкой сидели две девушки и трое ребят. Взглянув в том направлении, Лерка чертыхнулась:

– Смена Кирилла. Терпеть его не могу. – И добавила зло: – Он меня тоже.

Мы подошли к стойке, Кирилл повернулся к нам, кивнул и неторопливо приблизился. Он вызывал у меня странное чувство. Может быть, беспокойство. Выше среднего роста, коренастый, бритый наголо, от правого виска к затылку тянулся шрам, большие серые глаза смотрели спокойно и даже равнодушно, но где-то в самой их глубине таилась угроза. Тонкий нос, узкие губы, кривая улыбка. Впрочем, улыбался он редко, говорил вроде бы неохотно. Здесь появился через год после того, как Илья угодил в тюрьму. Что их связывало с Сашкой, я не знала, но что-то, кроме того, что Кирилл здесь работал, безусловно, связывало. Неоднократно я хотела расспросить брата об этом, но каждый раз неожиданно пугалась и замолкала.

– Выпьете? – спросил Кирилл, обращаясь ко мне.

– Я выпью, – ответила Лерка. – Налей водки, грамм сто.

На Лерку он даже не взглянул, смотрел мне в глаза и вроде бы силился улыбнуться.

– Мне кофе, – попросила я, он бросил через плечо:

– Таня, сделай кофе, – и отошел к посетителю на другой конец стойки.

– Видишь, что выделяет, – разозлилась Лерка. – Какого черта Сашка его держит? Он даже не взглянул на меня.

– Брось, – попробовала я ее успокоить. – С водкой ты завязала, а кофе подаст, никуда не денется.

– Нет, просто обидно. Можно подумать, он здесь хозяин, а я так, прогуляться вышла.

Лично я была рада, что Кирилл не обращает на нас внимания: взгляд его рождал в душе что-то крайне неприятное и подозрительно похожее на страх.

Столик в углу освободился, мы взяли с Леркой свой кофе и устроились там. Через пятнадцать минут появился Сашка, перекинулся парой слов с Кириллом и подошел к нам.

– Тысячу раз тебе говорила: выгони его к чертовой матери, – проворчала Лерка с обидой, тыча пальцем в Кирилла.

– За что? – усмехнулся Сашка. – За то, что водку тебе не наливает? Так это я не велел.

– Он на меня так смотрит...

– Он на всех одинаково смотрит, у него зрение плохое, а очки носить стесняется. Нормальный мужик и честный в меру. Это сейчас большая редкость, надо ценить... Я рад, что ты сюда заглянула, – повернувшись ко мне, сказал Сашка и взял меня за руку.

– Я тоже, – кивнула я и попробовала пошутить: – Пора возвращаться к жизни.

Где-то через полчаса Сашка ушел к себе, а мы еще немного посидели в баре. Лерка решила провести вечер здесь, да и я домой не спешила. Мы лениво болтали и разглядывали публику, двери в бар неожиданно широко распахнулись, Кирилл за стойкой взглянул исподлобья и как-то подобрался, а я увидела входящих в бар мужчин. Первым шел Мирон, за ним два здоровячка с крайне неприятными ухмылками на лицах. Публика, приметив вошедших, сразу притихла.

– Чего им надо? – удивилась Лерка.

– Решили отдохнуть, – ответила я.

Между тем Мирон со своей охраной устроился за стойкой. Он сидел развалившись и чувствовал себя хозяином. В прежние времена его бы и с черного хода не пустили, но то было при Илье.

Мирон насмешливо оглядел небольшой зал и заметил меня, а я мысленно чертыхнулась.

– Какие люди, – пропел он, перекрывая шум в баре, поднялся, не спеша приблизился и встал рядом со мной, сунув руки в карманы брюк. – Не могу поверить, – перестав ухмыляться, начал он. – А мне говорили, ты вроде в монастырь ушла. Грехи замаливать.

Я отодвинула чашку, подняла голову и посмотрела на него.

– В монастырь с моими грехами не берут, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Он хохотнул, раскачиваясь с пятки на носок, и убираться прочь явно не торопился. «Отважный стал», – мысленно хмыкнула я и Сашкины слова вспомнила: «Тигр в клетке, шакалы воют». Выходит, так оно и есть. – Может, присядешь? – спросила я, потому что от его раскачивания уже в глазах рябило.

– Нет, спасибо, – хохотнул он и поинтересовался язвительно: – Значит, с затворничеством покончено?

– Как видишь.

– Ждешь?

– Конечно, жду.

– Не думай, что все будет как раньше, – заявил он и вроде бы разозлился. – Не надейся. Здесь я хозяин.

– Я слышала, – кивнула я.

– Что? – не понял Мирон.

– Я слышала, что ты теперь хозяин, – охотно пояснила я, он уставился мне в глаза и замер. Не знаю, чего он ждал, но не дождался. Взгляд Мирона не из тех, что я не смогла бы спокойно выдержать. Он криво усмехнулся и вознамерился еще что-то сказать, но тут появился Сашка.

– О, братец пожаловал, – скривился Мирон.

– А в чем дело? – вроде бы удивился тот.

– Никаких дел, просто подошел поздороваться с твоей сестрой. Шикарно выглядишь, – шепнул он, наклоняясь ко мне, подло ухмыльнулся и наконец убрался к стойке.

– Не обращай внимания, – сказал Сашка, сжав мое плечо, а я улыбнулась в ответ:

– Может, он теперь и хозяин, но совершенно не тот человек, на которого я могу обратить внимание.

На этот раз «ночной мститель» позвонил после двух. Я сняла трубку, машинально включив ночник, и стала смотреть в потолок.

– Привет, сука, – сказал он. – Тебе осталось тринадцать дней.

– Кто ты? – неожиданно для себя спросила я, так как до этого я всегда молчала. Он вроде бы растерялся, потом ответил с неохотой:

– Потерпи, скоро узнаешь.

– Я хочу с тобой встретиться. Сейчас. Скажи куда, я подъеду. Или сам приезжай ко мне, думаю, мой адрес тебе известен.

– Ага. – Он засмеялся. – Я такой дурак. Задумали от меня избавиться со своим шакалом-братцем?

– Если ты друг Ильи, то должен знать: он и мой брат – друзья.

– Я тоже так думал. Только он продал друга, чтобы выгородить тебя.

– Послушай, – пытаюсь найти нужные слова, попросила я. – Ты можешь не поверить, но я не знаю, в чем моя вина. Пожалуйста, объясни мне.

– Ты грязная шлюха и сама все прекрасно знаешь. Он вернется, и вам мало не покажется, это сейчас у него руки связаны.

– Ты считаешь, что в ту ночь я была с Андреем? – проявила я сообразительность, а он засмеялся:

– Еще бы. Я видел твою машину.

– Что? – не поняла я, а он повторил:

– Я видел твою машину. Ты была там.

– Ты видел мою машину возле дома Андрея? – растерянно переспросила я.

– Такая умная, да? Ты оставила ее на углу Перекопской и к своему хахалю шла пешком.

– Ты меня видел? – Я решила, что имею дело с психом.

– Тебя я не видел, – зло ответил он. – Зато видел твою тачку. Сам, своими глазами. Ты не стала бы рисковать и ставить машину под окнами любовника, раз ее каждая собака в городе знает.

– Значит, на углу Перекопской? – повторила я.

– Ага. Вы с братишкой, конечно, молодцы, здорово все это провернули, знали, что Илья не такой человек... Сволочи, – бросил он с досадой, а я заметила:

– Странно, что мы не знакомы. Если ты его друг, я должна бы знать тебя. Тем более что у Ильи почти не осталось друзей, – добавила я с горечью.

– Ничего, найдутся. Может, то, что мы друзья, сильно сказано, но он мне ближе родного брата. И я жду не дождусь, когда он вернется.

– Я тоже, – ответила я, он помолчал и повесил трубку.

А я вышла на лоджию, закурила и стала смотреть на город в редких огнях.

– Этот парень спятил, – сказала я самой себе, ежась от ночного холода. – Он не мог видеть мою машину той ночью. Она была на стоянке во дворе... хотя из окна ее не увидишь. Утром заднее колесо оказалось спущенным. Ну и что? Это ведь ни о чем не говорит. Парень напутал... История с машиной выглядит дурацкой... вся история выглядит дурацкой, – неожиданно твердо сказала я. – Илья не убивал, и еще: я никогда не давала ему ни малейшего повода ревновать меня.

С девятнадцати лет, с того самого дня, как Сашка нас познакомил, Илья был для меня единственным мужчиной и знал это. Хорошо знал. С Андреем они когда-то учились в одном классе. Тот был художником и считал себя гением, по-моему, вполне искренне. К нему меня привез Илья. Мы возвращались от Сашки, вдруг он затормозил возле двухэтажного дома, на одной из тихих улочек в центре, и сказал:

– Идем, я познакомлю тебя с гением.

– С гением? – улыбнулась я.

– Точно. По крайней мере, он так считает.

– А ты?

– А я не знаю. Может, правда гений. Он художник. Неделю назад увидел твою фотографию, ту, что я ношу с собой, и привязался, как репей: хочет твой портрет написать. Давай зайдем.

– А вдруг он меня нарисует с двумя головами? – спросила я и фыркнула. – Или с одним глазом.

– Пусть попробует, – засмеялся Илья, и мы поднялись на второй этаж.

Андрей оказался невысоким, лохматым парнем, с умным лицом и озорными глазами. Мы быстро подружились, через две недели он закончил мой портрет, который Илье понравился, а вот мне нет. Илья заказал овальную рамку и собирался повесить его в гостиной, я этому категорически воспротивилась, и портрет перекочевал в спальню... Интересно, висит он там сейчас или Илья распорядился выбросить его на помойку? Сашка бы, конечно, не выбросил, а оставил у себя. Впрочем, бог с ним, с портретом...

Пока Андрей работал над моим портретом, мы виделись довольно часто, но почти никогда не оставались наедине. Илья сидел в студии, уткнувшись в газету, или перебрасывался с хозяином шутками. Сопровождал он меня не потому, что не доверял или ревновал, а потому, что ему это нравилось. Нам было хорошо вместе... Стоп, я провела рукой по лицу: «Не начинай все сначала... и давай без истерик...» Андрей был веселым, дурашливым парнем, он любил болтать со мной, но у Ильи не было повода меня ревновать. Поэтому все происшедшее было точно удар грома.

Илья той ночью вдруг заявил, что у него какое-то дело, спешно собрался и ушел. Нет, не просто ушел... «Я вроде бы просила: без истерик...» Он ушел, я стояла на балконе, дождалась, когда он выехал со двора, и ушла в спальню. Моя машина была на стоянке. Я так считала. Где она еще могла быть, если я ее там оставила? Кому в этом городе пришло бы в голову угнать мою машину? По меткому определению звонившего типа, ее знала каждая собака. Итак, я считала, что машина была на стоянке. Однако утверждать это не могу, увидеть ее с балкона, а тем более в темноте, невозможно.

Если звонивший не псих и в самом деле видел ее на Перекопской, значит, кто-то ее со стоянки взял, а потом поставил на место. Я помню только одно: утром заднее колесо было спущено, я не могла тратить время на заправку и к брату поехала на такси.

Была машина на Перекопской или нет? Об этом следует спросить Сашку. Только не в два часа ночи.

Утром он позвонил сам.

– Как настроение?

– Отличное, – заверила я. – Ночью мне опять звонил этот тип.

Сашка зло выругался.

– Я решила поговорить с ним и выяснила следующее: он видел мою машину в ту ночь на Перекопской, в трех кварталах от дома Андрея.

– Что за чушь? – удивился Сашка.

– Он говорил так убедительно, что я собиралась позвонить тебе и спросить: ты не брал в ту ночь мою машину?

– Конечно, нет... Слушай, осталось совсем немного, потерпи, я прошу. И не затевай глупых расследований. – Сашка говорил мягко, но я чувствовала – злится, это показалось мне странным.

– Знаешь, когда все это случилось, я точно оглохла и ослепла, – сказала я. – А теперь думаю: может, мне стоило распахнуть глаза пошире, а не сидеть истуканом в своей квартире?

– Ясно, – хмыкнул Сашка. – Ты решила стать сыщиком. Желаю удачи, только вряд ли она улыбнется, говорю, исходя из собственного опыта, потому что я в роли сыщика уже побывал.

– Может, мне повезет больше, – предположила я.

– Зная твой характер, отговаривать не берусь, – вздохнул он. – Об одном прошу: держи меня в курсе. В трудную минуту любимый старший брат придет на помощь.

Я быстро собралась и покинула квартиру, решив посетить библиотеку. Времени с тех самых пор, когда арестовали Илью, прошло слишком много. Теперь трудно с уверенностью

сказать, что происходило в действительности, а что в моем воображении, в общем, я решила освежить память.

Я ехала на машине, открыв окно и подставив лицо утреннему ветру, и смотрела на дома и людей, спешащих по своим делам. Оказывается, мне всего этого здорово не хватало последние несколько лет. Просто выйти на улицу или прокатиться на машине, не думая, что весь мир смотрит на тебя врагом. Скорее всего миру вовсе нет до меня никакого дела. И сейчас мне казалось, что это хорошо.

Областная библиотека находилась в новом районе, огромное трехэтажное здание из стекла и бетона, сейчас уже заметно обветшавшее, а всего несколько лет назад гордость нашего города. Я отправилась в отдел периодической литературы и вскоре уже сидела за столом у окна с двумя подшивками. Вдохнула и, вроде бы собравшись с силами, стала искать нужные мне номера газет. Руки противно дрожали. Выходит, мне только казалось, что все уже позади. Стоило увидеть броский заголовок, как сердце болезненно сжалось и стало трудно дышать.

История выглядела так: второго июня в 1.45 в районное отделение милиции поступило сообщение о том, что на улице Воровского, дом 45, квартира 13, произошло убийство. По данному звонку были отправлены две машины с сотрудниками милиции. В 1.50, в нескольких метрах от дома, где предположительно совершилось убийство, был задержан Верховцев Илья Алексеевич. При обыске в его машине под водительским сиденьем был обнаружен пистолет. В 2.05, войдя в квартиру номер 13, дом 45 по улице Воровского, сотрудники милиции в прихожей, возле незапертой двери, нашли труп хозяина квартиры Павлова Андрея Сергеевича с двумя огнестрельными ранами: в грудь и в голову. В дальнейшем выяснилось, что задержанный и убитый хорошо знали друг друга, а экспертиза установила, что пули, извлеченные из жертвы, были выпущены из пистолета, найденного в машине Верховцева.

В общем, все было ясно и понятно. Только не для меня. Верховцев вину не признал, свое присутствие возле дома жертвы объяснял так: в 1.15 неизвестный мужчина позвонил ему по телефону домой и назначил встречу в парке «Дружба», который как раз находится рядом с улицей Воровского. Неизвестный заявил, что располагает сведениями, чрезвычайно важными для Верховцева, и он согласился на встречу. Звонивший должен был ждать его в парке в 1.30. Приехав к месту встречи на машине, Илья Верховцев оставил ее возле дома номер 51, напротив парка, и несколько раз прошелся по аллее в ожидании звонившего, но тот не появился, и Верховцев вернулся к своей машине, где и был задержан сотрудниками милиции. На вопрос, каким образом в машине оказался пистолет, из которого был застрелен Павлов, ответил, что пистолет, видимо, был ему подброшен в то время, когда он ожидал в парке звонившего. Отпечатки пальцев на оружии отсутствовали, но, несмотря на это, пистолет был главной уликой.

Я провела ладонью по лицу и стала смотреть в окно. И тогда, и сейчас я прекрасно знала, что все происшедшее было кем-то подстроено. И все же история выглядела очень странной. Я знала, что никакого звонка от неизвестного не было. Звонил Сашка, но не в 1.15, как заявил Илья, а где-то около десяти. Звонок был самым что ни на есть обычным, они поговорили минут пять, Илья смеялся, приглашал Сашку заехать к нам, все это я слышала, сидя в гостиной, дверь в прихожую была распахнута настежь. Сашка приехать не пожелал, и мы отправились спать. В половине первого Илья неожиданно поднялся и заявил, что у него есть дело. Я приподнялась на локтях, посмотрела удивленно и спросила:

– Дело?

– Да, – кивнул он и стал одеваться. Потом подошел, сел на кровать и очень долго меня целовал. Он... странно вел себя в ту ночь.

– Можно я поеду с тобой? – попросила я, вдруг испугавшись чего-то.

– Нет, – ответил он. Когда он вот так говорил «нет», я знала, что просить бесполезно.

– Ты надолго?

– Не жди меня, – сказал он, а потом засмеялся: – То есть, конечно, жди. Очень прошу. Очень, очень... А сейчас спи. Я вернусь и разбудю тебя.

– Илья, куда ты? – спросила я испуганно.

– Тихо, тихо, – улыбнулся он. – А почему глаза такие испуганные? Я ведь не на всю жизнь уйду. Верно? – Он поцеловал меня, потом решительно поднялся и пошел к двери. – Ты меня любишь? – спросил он, не оборачиваясь.

– Конечно, я люблю тебя. Илья, можно я с тобой поеду? – повторила я жалобно.

– Со мной нельзя, – засмеялся он, посмотрел через плечо и добавил серьезно: – Я тебя очень люблю. Ты знаешь. Очень. Пожалуйста, будь умницей и жди меня. А сейчас спи.

Он ушел, а я вскочила и долго бродила по квартире, не в силах успокоиться. Стояла возле окна, смотрела во двор и ждала... Это была первая жуткая ночь в моей жизни. Страх, тоска, отчаяние и долгая, долгая ночь. Казалось, она никогда не кончится. Потом таких ночей стало много.

В восемь утра позвонил Сашка.

– Илья арестован. Дела – хуже не бывает. Держись...

...Я вздрогнула, девушка поднялась из-за соседнего стола, стул скрипнул. Я перевела взгляд на газеты. Спокойнее, все это было давно, бледнеть и падать в обморок ни к чему. Держи себя в руках... В ту ночь Илья вел себя странно, более того, он со мной именно попрощался. Он знал или просто чувствовал: что-то случится, что-то страшное разведет нас надолго или навсегда... Утром я поехала к Сашке и от него узнала, что Илья арестован по подозрению в убийстве Андрея.

– Его подставили, – белыми губами шептал Сашка. – Может быть, сами менты...

– Но убийство, Саша, Андрея действительно убили?! – кричала я.

– Убили. Андреем запросто могли пожертвовать... Кто такой Андрей?

В тот же день меня вызвали к следователю на первый допрос. Потом я все время путалась и меняла показания, впрочем, спасти Илью я в любом случае не могла: мои свидетельства суд в расчет не примет. А дальше началось самое страшное: Илья отказался от встречи со мной, на суде вел себя спокойно, отстраненно, даже равнодушно, словно все происходящее его мало касалось, виновным себя не признал, а выслушав приговор, криво усмехнулся. В мою сторону ни разу не взглянул, а когда я отвечала на вопросы, что-то разглядывал в окне и вроде бы улыбался. Через два месяца настоял на разводе, и за все время – ни одного письма, ни одного свидания.

Я прикрыла глаза ладонью, задержала дыхание и уставилась в строчки газетного столбца. Женщина за соседним столом смотрела на меня с недоумением. Зря я сюда пришла, что я могу найти в старых газетах? Ответ на вопрос: что же случилось той ночью? Кто на самом деле убил Андрея и почему Илья меня бросил?

Тут я поймала себя на мысли, что в третий раз перечитываю один и тот же абзац. «Второго июня во втором часу ночи на улице Катинской, дом номер 7, совершено жестокое убийство...» Я прочитала заметку еще раз. Странно, об этом убийстве я ничего не слышала, впрочем, чего ж странного, не о том голова болела. В газете этому убийству отвели совсем немного места, хотя такое в нашем городе случалось редко: четыре трупа: хозяин, два его гостя и телохранитель, еще два тяжелораненых охранника скончались позднее, один по дороге в госпиталь, другой на следующий день в больнице. В заметке прозрачно намекалось на бандитские разборки. Никто из убитых знаком мне не был, я даже никогда о них не слышала. Интересно... Я тщательно просмотрела последующие номера газет... Ничего... Странно, кровавое убийство, в общей сложности шесть трупов – и маленькая заметка в газете... зато об Илье писали много и обо мне тоже... Когда появилась идея «убийство на почве ревности», мне пришлось несладко... Знакомство с Андреем, работа над портретом, показания свидетелей. Анонимный доброжелатель позвонил по телефону, Илья поехал к другу с намерением задать ему пару вопросов, тот дал

на них исчерпывающий ответ, Илья выхватил пистолет и дважды выстрелил... Чушь, господа, какая чушь... Да, наша история, как видно, произвела впечатление, во всех газетах публиковалось одно и то же... Впрочем, и кровавому убийству на улице Катинской некто В. Артемов посвятил довольно большую статью. Я стала ее читать, одновременно пытаюсь понять, почему она так меня заинтересовала.

В статье о самом убийстве говорилось мало, общие фразы о криминальной обстановке в стране и конкретно в нашем городе... Улица Катинская... где-то я видела такую табличку... что-то очень знакомое...

– Вы закончили? – Кажется, мне вторично задали этот вопрос, я не сразу сообразила, что стою возле стола библиотекаря.

– Да... – ответила я с трудом и пошла к выходу.

Черт, голова невыносимо болит... В машине я закурила, глядя на редких прохожих, и не спеша тронулась с места.

Знакомые улицы, проспект, универмаг, я свернула и не удивилась, оказавшись возле дома Андрея. Обычный двухэтажный дом с одним подъездом. На балконе, где он когда-то любил загорать на надувном матрасе, висело детское белье. Другие люди, другая жизнь... Только не для меня... Где, сказал парень, стояла моя машина? На углу Перекопской?

Я проехала еще немного и притормозила. Что ж, место выбрано правильно, приди мне в голову укрыть машину от посторонних глаз, отправляясь к Андрею, непременно оставила бы ее здесь. Только в ту ночь я никуда не уезжала, стояла возле окна, таращилась в темноту и ждала мужа. А мой ночной собеседник утверждает, что видел мою машину здесь.

Я вышла и огляделась. Пересечение двух улиц, слева парк. Если в ту ночь Илья действительно был в парке, мог он видеть мою машину? Я немного прогулялась. Вот с этой аллеи ее хорошо видно... днем. А ночью? Здесь два фонаря, рядом с одним как раз сейчас стоит моя «девятка», вопрос: горит ли этот самый фонарь по ночам, а главное, горел ли он тогда, пять лет назад?

Допустим, Илья видел мою машину, ну и что? Некто сообщил ему грязную сплетню обо мне и Андрее?... Господа, Илья никогда бы этому не поверил, даже если бы увидел мою машину не один, а сотню раз... Он простился со мной, уехал... а дальше – тайна за семью печатями.

Я вернулась к машине, взялась за дверцу и замерла, разглядывая дом напротив. Распахнутые окна второго этажа, горшки с геранью... тишина, провинциальный уют. Я хлопнула дверцей, прошла во двор и села на скамейку возле детской площадки. Мальчишка лет пяти с шиком проехал по луже на велосипеде, подняв море брызг, а я засмеялась, загораживаясь от них руками. Потом поднялась и пошла через двор, но не к машине, а прямо, к стареньким особнякам, тонувшим в кустах акаций. Когда-то я любила такие места, подолгу сидела в маленьких двориках, кормила голубей и рисовала.

На рисунках выходило всегда одно и то же: раскрытое окно, белая занавеска, герань и кусты акации.

Я облокотилась на деревянный палисадник, улыбаясь своим мыслям, подняла голову и увидела цифру «семь» над подъездом. Повинуясь безотчетному порыву, покинула двор, ища глазами табличку. Налицо был явный дефицит табличек на данной улице. Я прошла домов пятнадцать, прежде чем заприметила надпись на одном из них: красной краской размашисто кто-то вывел «улица Катинская», а поверх красной надписи – оранжевая: «улица 8 Марта». Я присвистнула и пошла навстречу дворнику. Он не торопясь сгребал мусор возле контейнеров. Я извинилась и спросила:

– Не скажете, улицу давно переименовали?

– Да уж года три будет, – весело ответил усатый дядька с красным носом, прекрасно гармонировавшим с яркой футболкой и надписью через всю грудь на английском «Люби меня».

– А чем не угодило старое название? – улыбнулась я.

– По мне, что старое, что новое, все едино... Но умные люди, видно, по-другому думают. Катинская какая-то революционерка была, не помню, чем знаменитая, вроде застрелила какого-то царского генерала или еще кого... На первом доме доска висела с разъяснением, но я, честно сказать, забыл, что там про это сказано было, хоть и читал. А так как революционеры теперь не в чести, доску сняли, и называемся мы теперь «8 Марта».

– Ясно, – покачала я головой. – Что ж, 8 Марта тоже неплохо.

– Неплохо, – отозвался он.

– А где седьмой дом, не скажете?

– Так вы от него идете, он в той стороне.

– Спасибо.

– А зачем вам седьмой дом? – вдруг заинтересовался дядька. – Там сватья моя живет...

– Давно?

– Второй год.

– Жаль. – Я опять остановилась, а дядька отставил метлу в сторону и взглянул на меня с интересом. – Хотела кое-что узнать о том убийстве... Может, слышали, пять лет назад в этом доме расстреляли людей из автоматов. Я из газеты, собираю материал.

– Как не слышать, слышал. – Интерес дядьки заметно упал. – И из газет приходили. Только чего узнавать-то? Давным-давно это было. Одни бандюги убили других, ну и... земля им пухом. Стрельба-то ого-го была, из автоматов пальнули... шесть трупов, страсть...

– Четыре трупа, – поправила я, – двое умерли в больнице.

– Все равно страсть, – сурово нахмурился дядька. – А вы женщина молодая, симпатичная, а такими историями интересуетесь.

– Так ведь работа у меня. – Я улыбнулась с возможной теплотой.

– Работа... знаете, как бывает: узнаешь чего лишнее – и того...

– Что того? – подняла я брови в крайнем изумлении.

– То и того... – зашептал дядька и даже по сторонам оглянулся: – Вон сосед-то, что в пятом доме жил, тоже вроде вас, любопытный. Говорили, видел кого-то в ту ночь, когда стреляли, ну и нашли его на третий день возле подъезда...

– Что, убили? – насторожилась я.

– А как же. Стукнули по голове, вот и все.

– Веселая у вас улица, – покачала я головой и развернулась на пятках. – Значит, седьмой дом я прошла? Что ж, придется вернуться, думаю, стоит взглянуть.

– Взгляните, ежели охота, – проворчал он мне в спину.

Я вернулась к дому номер семь. Особняк начала века, недавно перестроенный. Теперь, судя по табличкам на двери, здесь было четыре хозяина. Крохотные квартирки, большая общая веранда. Окинув взглядом двор, я направилась к машине, взглянула на часы, потом ускорила шаги и остановилась только возле подъезда Андрея. Две минуты до машины, еще четыре до дома, где жил Андрей. Ну и что? Какое отношение ко мне имеет это убийство? Никакого. Если не считать странного совпадения. Мою машину, которая должна была находиться на стоянке в нашем дворе, некто видел в ту ночь здесь. Если это правда, конечно.

Я вернулась к машине, завела мотор и поехала в сторону центра, решив где-нибудь перекусить. Слева возникло Управление внутренних дел, огромное здание с широкой лестницей и тремя колоннами. Окна второго этажа открыты, должно быть, в кабинетах жара, усидеть трудно. Увидев телефон, я затормозила, потом долго искала в сумке записную книжку и Севкин номер, взглянула на часы, в это время он должен быть на работе, если, конечно, не в отпуске. Севка был на работе.

– Дерин слушает, – лениво сказал он, а я, улыбаясь, ответила:

– Быть этого не может.

– Это ты? – Он вроде бы удивился, хотя, вероятно, было чему. Мы не виделись больше года, а не звонила я... в общем, давно. – Это ты? – повторил он.

– Это я, – пришлось согласиться мне.

– Голос веселый, я рад, что ты расправила крылышки. Готовишься?

– Да. Правда, точно не знаю к чему.

– Все будет хорошо, – заверил он.

– Само собой, – пришлось согласиться мне.

– Что-нибудь случилось? – Теперь Севка как будто встревожился. – Извини, трудно поверить, что ты вдруг позвонила просто так.

– Каюсь, не просто так. Может быть, встретимся, поговорим?

– Сейчас?

– А ты можешь сейчас?

– Господи, когда звонит такая женщина, я все могу, – хохотнул он.

– Здорово, значит, жду в кафе на площади, рядом с управлением.

– Через двадцать минут буду там, – заверил Севка.

Я вернулась в машину и поехала к площади, припарковаться там было невозможно, пришлось свернуть к парку и пристроить машину возле поликлиники.

В кафе было шумно, почти все столики заняты, на счастье, пока я крутила головой, высматривая себе место, стол в углу освободился, и я поспешила его занять.

Севка появился через десять минут. Улыбнулся мне и помахал рукой, я тоже улыбнулась в ответ, наблюдая, как идет он навстречу, уверенный, спокойный. Короткая стрижка, светлые волосы, неизменные джинсы, рубашка с короткими рукавами по случаю жары. Карие глаза смотрят весело, широкий нос, едва приметный шрам над верхней губой... Мы катались на коньках, дурачились, хлопнулись в сугроб. Я вырвалась и побежала, он вскочил следом, не удержался на ногах, упал и рассек губу. Я едва не лишилась чувств, увидев его окровавленное лицо. Потом мы поехали в травмпункт, где Севке наложили два шва, всю дорогу, туда и обратно, он старательно меня успокаивал, зажимая рот красным от крови платком, и чувствовал себя виноватым...

– Привет. – Он наклонился и поцеловал меня, потом сел напротив, взял мою руку, сжал, поднес к губам и долго смотрел мне в глаза.

– Прекрати, – улыбнулась я, освобождая ладонь. – Твоей жене это бы не понравилось.

– Мы развелись.

– Серьезно? – растерялась я.

– Конечно.

– Сашка мне ничего не говорил.

– А он и не знает. В общем-то, официально мы еще муж и жена, но... я снимаю квартиру и чувствую себя холостым... Ладно, про меня неинтересно. Как ты?

– Никак.

– Отлично. Ты его ждешь. – Севка не задавал вопрос, он просто сказал, вздохнул, посмотрел в окно, а потом улыбнулся мне.

– Конечно, – ответила я. – А что я могу еще делать?

– Не очень хорошие дела, а?

Я засмеялась.

– Я всегда утешаю себя тем, что могло быть еще хуже, ну и, конечно, после подобного утешения дела становятся еще хуже.

– Что случилось? – спросил он серьезно.

– Мне звонит по ночам один тип, я не знаю, кто он, думаю – друг Ильи. Сегодня вдруг сказал, что в ту ночь, когда арестовали Илью, он видел мою машину на перекрестке Перекопской. Я поехала туда и... Слушай, ты знаешь об убийстве на Катинской пять лет назад?

- Постой, при чем здесь это? – не понял Севка.
- Знаешь?
- Разумеется, я им занимался. И что? Какое оно имеет отношение к твоей машине?
- Никакого, если не считать того, что через двор от Перекопской, где стояла машина, до дома номер семь по Катинской две минуты ходьбы.
- И что? – снова не понял он.
- Я пожала плечами:
- Не знаю. Назовем это интуицией.
- По-моему, это не интуиция, а полнейшая чушь. Какой-то псих звонит ночью и говорит, что якобы видел твою машину. Ты веришь ему на слово, узнаешь, что по соседству в ту ночь совершено убийство, и решаешь, что оно имеет к тебе какое-то отношение.
- Не ко мне, – терпеливо ответила я, продолжая улыбаться, – а к событиям той ночи.
- Послушай, все давно в прошлом, Илья скоро вернется и...
- И? – усмехнулась я.
- Все будет хорошо, у тебя и у него, у вас, я имею в виду. – Он отвернулся и стал смотреть в окно.
- Вряд ли. Думаю, я Илье не нужна. Иначе он не стал бы хранить молчание все эти годы.
- Ты не права...
- Господи, тебе-то откуда знать? – удивилась я.
- Севка закусил губу, такого за ним раньше не водилось.
- Все равно я не понимаю, при чем здесь это убийство на Катинской?
- Я же сказала: интуиция. Что-то мне подсказывает, что какое-то отношение к событиям той ночи оно имеет.
- Уверяю, абсолютно никакого.
- Ты ведь знаешь, что Илья не убивал? – спросила я.
- Знаю, то есть я считаю, что он не убивал. Его подставили. Кто-то убил этого Андрея, да так ловко все обстряпал... Шито белыми нитками, а сработано прекрасно... извини...
- Тебе не за что извиняться. – Я закурила и попыталась сформулировать свою мысль: – Думаю, в ту ночь подставили не только Илью, но... и меня.
- Я не понимаю, – покачал он головой.
- Я пока тоже. Но очень хочу понять. Илья ушел из нашей спальни влюбленным мужем, а через несколько часов просто вышвырнул меня из своей жизни. Я должна знать, что произошло той ночью.
- Ну, хорошо, хорошо, это вполне понятно. Через несколько дней Илья вернется. Чего же проще: спросить у него. Сесть и спокойно все обсудить.
- А он захочет? – усмехнулась я.
- Он тебя любит, – сказал Севка и вздохнул.
- Он любил меня. До той ночи.
- Ты зря это затеяла, – помолчав, начал он. – Сейчас, когда прошло столько лет, вероятность что-то выяснить практически равна нулю.
- У меня есть время, и я хочу попробовать.
- Увлекательная игра в сыщики?
- Сашка тоже так считает, – кивнула я.
- Он знает о том, что ты затеяла?
- Я, в общем-то, ничего не затевала. Сходила в библиотеку, а потом съездила на ту самую улицу, вот и все. Расскажи мне об этом убийстве.
- Не понимаю зачем, – проворчал он. – Хорошо, хорошо. Хозяин квартиры Терин Иван Кузьмич, по кличке Большой, пригласил к себе двух своих друзей, если так можно выразиться. На встрече также присутствовали три телохранителя, по совместительству шоферы. Прибли-

зительно в 1.35 некто, вооруженный автоматом, вошел в дом и перестрелял всех, после чего скрылся. Вот и вся история.

– Двое охранников умерли позднее.

– Точно. Один по дороге в больницу, не приходя в сознание, другой на следующий день.

– Тоже не приходя в сознание?

Севка кивнул.

– Не могу понять, почему тебя это интересует?

– Я пока тоже. Из статьи удалось кое-что почерпнуть между строк. Большой пригласил двоих дружков, тоже больших парней, так?

– Ты смотришь гангстерские боевики? Не ожидал.

– Нет, я читала «Крестного отца». Давай вернемся к убийству, точнее – к расстрелу.

Некто входит и очередью из автомата укладывает шесть человек. Вопрос: как он вошел, если в доме собрались большие парни да еще с охраной?

– Нас этот вопрос тоже интересовал, жаль, задать его было некому.

– Хорошо, тогда, может быть, ты ответишь на второй вопрос: кому понадобилось это убийство?

– Могу по памяти перечислить человек десять, и это только те, кого я знаю. Кстати, в этом списке был бы и твой Илья, – усмехнулся Севка. – Да-да, старики всегда действуют молодым на нервы, они теряют гибкость и, с точки зрения молодых, мешают прогрессу. Убийство, конечно, было заказным, киллер скорее всего со стороны, из своих вряд ли бы кто рискнул. В таких случаях на убийцу можно выйти лишь по чистой случайности. Люди Большого, можешь мне поверить, искали тоже, но ничего не нашли.

– А вы тщательно искали? – усмехнулась я.

– Честно? Не очень. Трех весьма опасных старичков некто спровадил на тот свет. Не могу сказать, что нашу контору это сильно расстроило, скорее наоборот.

Я опять усмехнулась, и Севка в ответ тоже.

– Хорошо, – немного подумав, продолжила я. – Подойдем с другой стороны. Старички уступили место... кому? Кому их смерть явно пошла на пользу?

– Здесь тоже человек пять наберется. Например, небезызвестный тебе Мирон. Хотя я очень сомневаюсь, что он отважился бы на подобный шаг, я имею в виду расстрел. Опять же Илья, не сядь он в тюрьму, смог бы в должной мере воспользоваться сложившейся ситуацией.

– Ты уже дважды назвал его имя. Ты имеешь в виду что-то конкретное?

– Нет, – откинувшись назад, покачал головой Севка. – Таким образом я просто иллюстрирую свою мысль о том, что в смерти Большого и его дружков было заинтересовано все подросшее к тому моменту криминальное поколение. Вот и все. И мне бы очень хотелось знать, почему тебя это так занимает?

– Я уже ответила.

Севка нервничал и даже не собирался скрывать это.

– Слышала выражение: «Что было – смерти, будущее – мне»? – спросил он.

– А если все осталось только в прошлом? – хмыкнула я.

– Так не бывает. Иногда всерьез кажется, что ничего хорошего в жизни уже не будет, но потом как-то... смиряешься и находишь кое-какие радости. Когда ты меня бросила, мне хотелось удавиться. Но было очень стыдно, что придется висеть с синим языком, свисающим до пупка. Эта веселенькая мысль удержала от глупости. А потом я влюбился, женился, а вот теперь развожусь. И честно скажу: чувство такое, точно только-только начинаю жить.

– Я за тебя рада, – сказала я.

Мы немного помолчали, тут я кое-что вспомнила и задала еще один вопрос:

– Сегодня я разговаривала с дворником на улице Катинской, он утверждает, что его сосед был свидетелем того убийства и тоже погиб.

– Да? – поднял брови Севка. – Такого я не помню... хотя... Нет. Скорее всего людская молва просто соединила два происшествия в одно. Ася, я тебя прошу, не занимайся ерундой, дождись Илью, поговори с ним... В любом случае, считает Илья тебя в чем-то виноватой или нет, от разговора он не откажется, вы ведь не чужие друг другу люди. И ты, не затевая игру в сыщики, будешь точно знать, что произошло той ночью.

– А если Илья сам не может ответить на многие вопросы? – невесело улыбнулась я. – Если он так же безрезультатно пытается понять, что же произошло в ту ночь?

– Маловероятно, – вздохнул Севка. – Одно могу тебе сказать совершенно определенно: ты идешь по ложному следу. Убийство на Катинской ничего тебе не даст.

– На 8 Марта, – широко улыбнулась я.

– Что?

– Улица теперь называется 8 Марта.

Мы еще немного помолчали, после чего во мне пробудилась совесть, и я вспомнила, что Севке надо бы отобедать, да и мне тоже.

Набив желудки до отказа, мы вышли на улицу.

– Ты на машине? – спросил Севка.

– Да, если не возражаешь, я тебя провожу.

– Конечно, не возражаю, – улыбнулся он.

– Прогуляемся? – Я взяла его под руку, и мы направились через площадь.

– Снова будешь вопросы задавать? – еще шире улыбнулся он.

– Нет. Не буду. Вижу, тебе это не нравится.

– Мне не нравится, что ты интересуешься всем этим. Люди помнят, чья ты жена. Вполне возможно, слух о том, что ты задаешь вопросы, дойдет до тех, кому это покажется очень интересным.

– И что?

– Ты не хуже меня знаешь, что.

– Будем считать, нездоровое любопытство я удовлетворила, и теперь мы просто гуляем.

Он обнял меня и сказал насмешливо:

– Не могу поверить... Я рад, что ты больше не сидишь взаперти, даже если тебе и пришла фантазия стать сыщиком. Ты улыбаешься, держишь меня за руку и даже пробуешь шутить.

– Неважно выходит?

– Я же сказал: уже кое-что. Я люблю тебя, пускай не так, как раньше, по-другому, но все равно очень люблю и хочу, чтобы ты улыбалась.

– Спасибо, – серьезно сказала я и поцеловала его.

Я проводила Севку до работы и через парк вернулась к машине. В парке было прохладно, старички сидели на скамейке и приглядывали за расшалившимися детишками. Я устроилась в траве под огромной липой, запрокинула голову и стала смотреть в небо. «Севка прав, какое отношение убийство на Катинской может иметь к Илье, а тем более ко мне самой?»

– Никакого, – вслух ответила я.

Однако то, что я почувствовала, натолкнувшись взглядом на заметку в газете, очень напоминало озарение. А интуиция подсказывает, что в этом что-то есть. Я засмеялась.

– Чепуха, конечно. Хотя, может, и не чепуха. Севка считает, убийство было выгодно многим. И устранение Ильи – тоже. Вдруг некто очень мудрый каким-то образом соединил все это в тугой клубок, задействовав к тому же мою машину. Пусть это выглядит глупым, но останавливаться на полпути и даже в самом начале – я не люблю. А там посмотрим.

Я поднялась, отряхнула юбку и заспешила к своей «девятке». По дороге заехала в магазин и купила себе платье. Нежно-голубое. Оно очень шло к моим глазам, я улыбнулась, глядя в зеркало, и даже подмигнула своему отражению. Снимать платье не стала, расплатилась и поехала домой.

Квартира показалась мне темной и пыльной.

«Точно склеп», – подумала я. Открыла окна, потом, прихватив телефон, вышла на лоджию. Через 09 узнала нужный мне номер и терпеливо слушала длинные гудки, наконец трубку сняли.

– Простите, – сказала я. – Могу я поговорить с В. Артемовым?

– С Володей? Он у нас уже давно не работает, около года.

– А где его можно найти? – ласково спросила я.

Мужчина на другом конце провода задумался.

– Я дам вам его домашний телефон, попробуйте позвонить.

Судя по номеру, с Артемовым мы жили в одном районе, как выяснилось через некоторое время, в трех троллейбусных остановках друг от друга. Трубку снял ребенок, по голосу мальчик лет пяти.

– Артемова можно? Володю...

– Сейчас, – важно ответил он и позвал: – Пап...

– Слушаю. – Голос звучал странно, точно мужчина дышал с трудом.

– Извините, – начала я не без робости. – Пять лет назад вы написали статью об убийстве на Катинской, не могли бы мы встретиться и поговорить?

– О чем? – удивился он.

– Мне трудно объяснить это в двух словах. Я не отниму у вас много времени, а для меня этот разговор очень важен.

– Кто вы? Журналистка?

– Нет. Извините, мне действительно сложно объяснить, кто я и почему интересуюсь этим убийством. Может быть, мы все-таки встретимся и поговорим?

– Я думал, все уже забыли об этом убийстве, столько лет прошло.

– Собственно, меня интересует другое убийство, происшедшее в ту же ночь. Что-то подсказывает мне, что они как-то связаны.

– А-а, вы имеете в виду дело Летчика? – Я не сразу сообразила, что речь идет об Илье, в моем присутствии никто и никогда не называл его так.

– Да, если Летчик – это Илья Верховцев.

– Понятно... Он ведь должен скоро выйти на свободу. Так? А вы кто?

– Я его жена... бывшая.

Он думал полминуты, не меньше, потом сказал:

– Что ж, давайте поговорим, правда, я не знаю... Хорошо. Я освобожусь через час. Живу на Мичурина, за гастрономом скверик, вот там и встретимся, если не возражаете.

– Не возражаю, – обрадовалась я.

– Значит, через час, – вздохнул он.

Я выпила кофе и потянулась за сигаретами. Если нет силы воли разом порвать с пагубной привычкой, следует себя контролировать и время от времени шлепать по рукам. Сейчас, например, как раз такой случай. Я отшвырнула сигареты в сторону и расслабленно сидела в кресле, наблюдая за птицами и поглядывая на часы. Через сорок пять минут торопливо покинула квартиру.

Скверик был совсем маленький, десяток деревьев, кусты, узкие асфальтированные дорожки. Собачий рай.

На единственной скамейке возле входа сидел мужчина в полосатой футболке и читал газету, то и дело поправляя очки с толстыми линзами. Рядом весело носился персиковый пудель.

– Вы Володя? – спросила я, подойдя ближе, пудель принялся тявкать, а мужчина поднялся, кивнул мне и спросил:

– А вы – Анастасия, я не ошибся?

– Нет, но лучше Ася, привычнее.

– Присядете или прогуляемся?

– Лучше прогуляемся, – кивнула я. И мы пошли по асфальтовой дорожке, пудель весело несясь впереди.

– У меня сразу вопрос: почему вы считаете, что убийство на Катинской как-то связано с делом вашего мужа?

– Я не считаю, – подумав, ответила я и попыталась объяснить, почему это убийство меня заинтересовало.

Он слушал внимательно, иногда кивал и шел рядом со мной по траве, потому что дорожка была очень узкой.

– Кажется, я вас понял, – сказал он, когда я наконец замолчала. – Меня моя интуиция никогда не подводила, почему же я должен сомневаться в вашей? Дело на Катинской очень странное. И не потому, что расстрелять трех авторитетов оказалось так просто. Странности встречались на каждом шагу, по крайней мере, так мне тогда казалось. Странно вели себя милицейские чины, хранили обет молчания медики... От журналистов все шарахались, словно от прокаженных. Конечно, влезать в разборки бандитов занятие опасное, это я очень скоро понял по себе...

– У вас были неприятности?

– Ничего особенного. Просто жену три дня подряд сопровождали с работы до самого подъезда, а потом встретили меня и попросили вполне вежливо: «Не лезь». И я не полез. – Он засмеялся, глядя куда-то в сторону, и добавил с обидой: – Хотя чувствовал – что-то там... в общем, мой звездный час не наступил. Теперь эта история никому не нужна, то есть неинтересна.

– Не совсем, – заметила я, а потом спросила: – Вы ушли из газеты?

– Ушел. Я на инвалидности, астма, сердце... Пытаюсь понемногу работать, чтобы не отстать от жизни и не лишиться навыков. У меня дома целая папка материалов по этому делу, если хотите, можете взять ее.

– Вы серьезно? – удивилась я.

– Конечно. Если они вам пригодятся, буду очень рад. Только одна просьба: раскопаете что-нибудь, позвоните. Я любопытен до безобразия.

Он кликнул пуделя, и мы пешком отправились к его дому, жил он буквально в нескольких шагах от скверика. В квартиру подниматься я не стала, ждала возле подъезда. Володя вернулся меньше чем через пять минут.

– Перед тем как встретиться с вами, я нашел ее и просмотрел еще раз, – пояснил он.

Я взяла папку и сказала:

– Спасибо.

– Удачи, – ответил он.

Содержимое папки я бегло просмотрела еще в машине. Артемов прав: дело выглядело странным. Еще одна особенность содержавшихся в папке бумаг: я насчитала несколько знакомых фамилий. Сложила все снова в папку, завязала тесемки и поехала домой.

Телефон я услышала, когда отпирала дверь, торопливо вошла, сняла трубку и узнала Севкин голос:

– Это я.

– Привет, – весело отозвалась я.

– Как дела?

– Отлично. Купила новое платье.

– Да? Это здорово. Не хочешь похвалиться?

– Господи, я же забыла: ты теперь холостой.

– Точно, и очень люблю оценивать новые платья. Оно голубое?

– Да, – засмеялась я. – Как ты догадался?

– Я способный. А как насчет сегодняшнего вечера?

– Сегодня не выйдет, – вздохнула я. – Есть дело.

– А доктор Ватсон тебе не нужен?

– Сегодня вечером? Нет. Возможно, он понадобится мне завтра.

– Хорошо, тогда позвоню завтра.

Я повесила трубку и задумалась, разглядывая фотографию на стене.

– Севка нервничает, – сказала я громко. – И мой любимый старший брат тоже. Крутые парни считают, что я валяю дурака да к тому же рискую...

Телефон зазвонил вновь, я вздрогнула от неожиданности. Сашка, судя по голосу, очень гневался:

– Что за ерунду Севка городит? – без предисловий начал он.

– Что ты имеешь в виду? – попробовала я прикинуться дурочкой.

Сашка сурово помолчал, потом заявил категорично:

– Прекрати все это.

– Ты не понял, Саша, – настроилась я на терпеливое объяснение. – Тип, что звонит ночью, сказал, что видел там мою машину, и я склонна верить ему.

– Чушь. Подумай, кто мог взять твою машину? Я или Илья. Я ее не брал, Илья тем более. Прошу тебя, займись чем-нибудь серьезным: сделай новую прическу, купи десяток платьев, поменяй мебель в квартире, только не зли меня всякими глупостями. На кой черт тебе это убийство? Во-первых, оно не имеет к нам никакого отношения...

– Я так не думаю, – спокойно возразила я.

– Что? – опешил Сашка.

– Я не верю в совпадения и склонна считать, что мою машину действительно кто-то брал в ту ночь, я хочу знать: кто и зачем?

– Хорошо, – вздохнул Сашка. – Допустим, ты права. И что? Ты ведь всерьез не думаешь, что сумеешь найти убийц?

– Думаю, как только пойдет гулять слух о том, что я этим интересуюсь, они меня сами разыщут.

– О, черт! – выругался Сашка. – Ты издеваешься надо мной, да? Скажи на милость, кому все это нужно?

– Мне, – искренне удивилась я и попробовала проститься.

Однако отвязаться от Сашки дело нелегкое, особенно когда он пылает гневом. Прочитав мне лекцию минут на десять, он закончил ее весьма неожиданно:

– Болтаться с Севкой по городу было вовсе необязательно, особенно сейчас, когда он разводится с женой. Вряд ли это понравится Илье.

Пока я соображала, что следует ответить, Сашка повесил трубку.

– О, черт! – тоже выругалась я, но любимый старший брат этого уже не слышал.

Я устроилась в кресле, прихватив из кухни стакан молока, и стала внимательно разглядывать стену напротив. Неужели Сашка всерьез верит в то, что Илье интересно, с кем и как я провожу время? В этом месте я криво усмехнулась и покачала головой.

– А ревновать к Севке попросту глупо, – заявила я, точно оправдываясь, и неожиданно разозлилась на себя. – Возможно, не так уж и глупо, – минут через пять вынуждена была согласиться я и подумала о брате: приятно знать, что он всегда начеку, заботится о моей нравственности и все такое...

Мы с Севкой дружили с третьего класса. Он был в меня влюблен, в шестом классе я тоже полюбила его и любила до тех самых пор, пока в нашем доме не появился Илья Верховцев.

С Сашкой он познакомился в летнем спортивном лагере, они подружились, а потом и вовсе стали закадычными друзьями.

Илья не отличался красотой. Выше среднего роста, широкоплечий, темные глаза смотрели насмешливо, но как-то так получалось, что, где бы он ни появился, сразу же привлекал всеобщее внимание.

Я влюбилась в него буквально с первого взгляда. Услышав звонок, открыла дверь, он улыбнулся, спросил:

– Саша дома?

Я ответила:

– Да, – распахивая дверь пошире, чтобы он смог пройти, и тут же поняла... в общем, все, что положено понимать юной особе в подобной ситуации.

Конечно, он вовсе не обращал внимания на меня, в ту зиму ему исполнилось восемнадцать, и я для него была только младшей сестрой друга.

Как водится, я вздыхала, страдала, писала ему длинные письма, которые тут же рвала на мелкие кусочки, и считала, что жизнь моя навеки погублена. Потом он поступил в летное училище, уехал, и встретились мы только через восемь лет. Училище он так и не закончил, неожиданно для всех круто изменив свою жизнь. Вернулся в родной город, с Сашкой они по-прежнему дружили, но у нас он появлялся редко, и встретиться все никак не получалось. До того самого дня, когда Севка сделал мне предложение.

К этому моменту я уже смирилась с мыслью, что Илья никогда не будет моим, думала о нем все реже и без особой печали. Севка же был всегда где-нибудь поблизости. Мы учились в одном университете, я на филологическом, он на юрфаке, и как-то само собой получалось, что нам следует идти по жизни рядом. На последнем курсе он сделал мне предложение. Вечером провожал домой и вдруг сказал:

– Слушай, давай поженимся, а?

– Давай, – кивнула я, не задумываясь.

Дома Севка сделал предложение по всем правилам: просил моей руки у мамы. Особого удивления это не вызвало, и свое согласие мама дала с заметной охотой, поила нас чаем с яблочным пирогом, мы возбужденно болтали, строили планы, тут дверь открылась, и в кухне появились Сашка с Ильей.

– Саша, – торжественно обратилась к нему мама, – твоя сестра собралась замуж. Как единственный мужчина в семье, ты должен принять решение.

– Жених – ты, что ли? – хмыкнул Сашка, с Севкой они всегда ладили и, можно сказать, были друзьями.

– Я, – засмеялся тот.

– Хорошо, подумаю, – неожиданно серьезно ответил Сашка. – Все равно, пока университет не закончили, о свадьбе разговора нет.

Мама растерянно притихла, Севка стал было возражать, но Сашка повторил в своей обычной манере:

– Я уже все сказал.

Они с Ильей устроились за столом, а я боялась глаза поднять. Севка заторопился домой, выглядел он обиженным. Я стала мыть посуду. Илья курил, устроившись на подоконнике, смотрел на меня с улыбкой и вдруг сказал:

– Ты очень красивая.

– Да? – то ли обрадовалась, то ли испугалась я.

– Когда ж ты успела вырасти? – засмеялся он.

– Восемь лет прошло, – пожала я плечами.

– Восемь? – не понял он.

– Восемь лет назад ты уехал в училище. Потом мы виделись еще четыре раза, но ты, наверное, не помнишь.

– А теперь ты выходишь замуж? – усмехнулся он.

– Ты слышал, что сказал мой брат, – ответила я. – Надеюсь, он все-таки даст свое высочайшее согласие.

Мы еще немного поболтали, потом они ушли в Сашкину комнату, а я в свою и не спала всю ночь.

На следующий день я сказала Севке, что со свадьбой в самом деле торопиться не стоит, никуда она не убежит, а вот диплом – это ох как серьезно!

Университет мы закончили, по студенческому обычаю основательно обмыли это событие, и через неделю Севка вновь появился у нас. Теперь он обращался исключительно к Сашке. Я сидела в кресле и рассматривала свои ногти. Сашка посмотрел на меня, на Севку и заявил:

– А что за спешка? Какие-нибудь проблемы?

– С ума сошел! – ахнула я.

– Тебя не спрашивают, – отрезал он. – Я с твоим парнем разговариваю. Устройтесь на работу, я к октябрю вопрос с квартирой решу, освобожу вам жилплощадь.

– Слушай, чем я тебе не нравлюсь? – зло спросил Севка.

– Не в этом дело...

– А в чем?

– Вот в ней. – Сашка ткнул в меня пальцем и жестко произнес: – Она тебя не любит. Ты отличный парень и мне нравишься. Только сестра у меня одна.

Я вскочила, крикнула:

– Не смей вмешиваться в мою жизнь! – И мы впервые поскандалили с моим старшим братом.

Я кричала, топала ногами и в заключение ушла с Севкой, правда, недалеко: до угла дома, здесь мы простились, решив завтра же подать заявление.

Сашка сидел в кухне мрачнее тучи, мама гладила его плечо и терпеливо уговаривала не волноваться, меня это оскорбило до глубины души, и я отправилась спать.

Утром мне позвонил Илья, поздоровался и заявил:

– Разве ты не знаешь: старших надо слушать?

– О чем ты? – удивилась я.

– Об этой твоей свадьбе. Может, не стоит спешить?

– Может, вы с моим братом отправитесь к черту вместе с вашими советами?

– Может... – засмеялся он.

Из упрямства я поехала с Севкой подавать заявление.

Вечером собрались у нас, чтобы отметить это событие, Илья сидел напротив и усмехался. Я краснела и злилась.

Он приходил каждый день, говорил мало, но глаз с меня не спускал. Где-то через месяц встретил возле подъезда, взял за руку, спросил с неизменной усмешкой:

– Ты его любишь?

Я разозлилась, вырвала руку и крикнула:

– Не смей так смотреть на меня!

– Хорошо, я буду смотреть под ноги. Ты его любишь?

– Конечно.

– В самом деле? – улыбнулся он.

– Если ты решил продолжать в том же духе, мне следует пожаловаться брату.

Я в самом деле нажаловалась, в тот же вечер. Сашка кивнул и заявил:

– Я с ним поговорю.

Илья больше не появлялся, а я начала томиться. Предсвадебные хлопоты раздражали, платье не радовало, а Севка действовал на нервы.

– Все решено, – твердо заявила я и посоветовала себе стиснуть зубы.

До свадьбы оставалась неделя. Поздно вечером в дверь позвонили, открыл Сашка, я вышла из своей комнаты и увидела Илью.

– Привет, – сказал он и взял меня за руку. – Поехали.

– Куда? – опешила я.

– Какая разница? – Он повернулся к Сашке и добавил: – Ты мне, конечно, друг, но я ее люблю.

– Ты спятил, что ли? – вроде бы растерялся мой брат.

– Нет, конечно. Но если позволю ей выйти замуж, наверняка свихнусь. Так что извини, придется тебе это как-то пережить.

– А у нее ты спросил? – повысил голос Сашка, приходя в себя.

– Ее слова сейчас ничего не значат, – заявил Илья. – Вбила себе в голову какую-то чепуху и будет стоять насмерть – в этом вы похожи, родные как-никак. Успокойся, начнет рассуждать здраво.

– Упрямиться я не собираюсь, – решила я вмешаться, раз дело напрямую касалось меня. – Я тебя люблю, и незачем прикидываться, будто ты этого не знаешь.

– Видишь, как все просто, – пожал Илья плечами, обернувшись к Сашке.

– Да вы спятили. А свадьба, а гости? Всем уже приглашения разослали. А что ты Севке скажешь, несчастная?

Я испуганно замерла, а Илья кивнул:

– Севке скажу я. А заняться всеми остальными делами придется тебе. Ты поспокойнее, сам подумай, для чего ж еще нужны друзья?

Я фыркнула, прикрыв рот ладонью. Илья уже тащил меня за руку из квартиры, а Сашка стоял открыв рот.

– Куда ты ее тащишь? – опомнился он, когда мы уже были на лестнице. – Ладно, не будет никакой свадьбы. Верни сестру, придурок.

– Не могу я рисковать, Саша. Хоть убей, но я забираю ее с собой. Насядете на девчонку всем скопом, уговорите чего доброго. У меня жизнь одна, и прожить я ее хочу счастливо. – Свою речь он закончил уже на улице.

Мы сели в машину, помахали Сашке рукой, он к этому моменту вышел на балкон, в ответ постучал братец кулаком по лбу и покачал головой. Потом засмеялся и ушел в комнату. А мы уехали.

Через два месяца сыграли свадьбу. Севка настоял на том, чтобы быть свидетелем. По мнению мамы, это было ни на что не похоже, один свидетель – брат невесты, другой – бывший жених.

– Что вытворяете? – вздыхала она, качая головой, а я смеялась и была счастлива. До того самого дня, когда арестовали Илью.

Брак наш не был совершенно безоблачным. Поначалу я просто радовалась, что я его жена, потом стала обращать внимание на некоторые вещи. Пугалась, на многое закрывала глаза, пока однажды не спросила:

– Илья, ты кто?

– Я? – удивился он. – Твой муж. А у тебя есть сомнения в этом?

– В этом – нет. Меня беспокоит другое. Вот я, например, учитель русского языка и литературы, а кто ты?

– А я несостоявшийся летчик, сейчас вроде бы бизнесмен.

– Вроде бы?

– Не придирайся к словам.

Я вздохнула и жалобно попросила:

– Илья, пожалуйста, поговори со мной.

– Вот что, маленькая, давай договоримся сразу: есть вещи, о которых женщине лучше не знать. Я люблю тебя, и у нас все будет хорошо. Как сейчас. А если услышишь обо мне что-нибудь плохое, просто не обращай на это внимания.

– Разве я смогу не обращать внимания? – возмутилась я.

– Если любишь, сможешь.

Он оказался прав: я смогла.

...В дверь позвонили, я пошла открывать, опасаясь того, что увижу на пороге разгневанного брата. На пороге стояла соседская девчонка Марина с черным котенком в руках.

– Тетя Ася, возьмите котика, – со слезой в голосе начала она. – Я принесла, а мама не разрешает. У него и блюдце есть...

– Заноси, – улыбнулась я.

Мы накормили котенка, а потом, устроившись на полу, немного поиграли с ним.

– Можно, я схожу с ним во двор? – попросила Марина.

– Можно, – согласилась я.

Марина с котенком, которого мы решили назвать Мурзиком, ушла, а я перебралась в кресло и взяла папку с бумагами. Минут через пятнадцать позвонила Артемову. Трубку взял он сам.

– Володя, извините, это Ася.

– Возникли вопросы?

– Пока только один. Сегодня, разговаривая с дворником, я узнала об убийстве соседа, который якобы что-то увидел в ту ночь.

– Да-да, в бумагах это есть. Перфильев Иван Игнатьевич. Я с ним не разговаривал, не успел. Точнее, о том, что он якобы что-то видел, я узнал уже после его гибели. Горький пьяница, нигде не работал, в квартире его вечно кто-то выпивал, ну и ему кое-какие крохи попадали, вы понимаете... Очень сомнительно, что он в самом деле что-то знал... Да и его убийство больше было похоже на драку по пьянке. Не поделили что-то собутыльники, один другого ударил, да не рассчитал. А про то убийство он мог все выдумать, просто так, чтобы кто-то послушал да рюмку налил...

– Понятно, – вздохнула я и попрощалась. Потом посмотрела на часы. Адрес в бумагах был, отчего не съездить наудачу? Вдруг кто-то из соседей вспомнит его рассказ?

Я быстро собралась, отыскала во дворе Марину, оставила ей ключ, попросила присмотреть за Мурзиком и на машине отправилась на бывшую Катинскую.

Дом номер пять тонул в кустах акации. Пенсионеры на скамейке отсутствовали, а жаль...

Я вошла в подъезд и позвонила во вторую квартиру. Дверь открыл мужчина неопределенного возраста, нечесаный, заспанный и явно страдающий с перепоя.

– Простите, – улыбнулась я. – Я ищу родственников Ивана Игнатьевича Перфильева.

– А зачем они вам? – удивился мужчина.

– Я работаю в газете, – с ходу принялась врать я, надеясь, что, страдая с перепоя, человек забудет спросить у меня документы. – Пишу статью о нераскрытых убийствах, происшедших в нашем городе. Одно из таких, очень загадочное, произошло пять лет назад в соседнем доме. В редакции мне сказали, что...

Парень не дал мне договорить, мотнул головой и посторонился.

– Ладно, проходите, зовут меня Серега, я сын Ивана Перфильева. Батина квартира мне по наследству досталась, на беспорядок внимания не обращайтесь, живу один, а сейчас в запое. Сами понимаете, не до уборки.

Квартира была однокомнатной. Выглядела она так, точно пережила землетрясение и минимум один пожар.

– Не очень, да? – хмыкнул парень, наблюдая за мной. – На кресло садитесь, оно чистое, свое шикарное платье не испачкаете.

Он плюхнулся на диван, посмотрел на меня оценивающе и спросил:

– Курите?

– Курю.

– А сигаретой угостите?

– Пожалуйста.

Мы закурили, я приглядывалась к хозяину, силясь определить, что за человек передо мной.

– У меня два высших образования, – весело сообщил он. – И неумная тяга к этому делу. – Парень щелкнул себя пальцем по горлу. – Наследственное. Батя был хронический алкаш, ну и я следом... Значит, тем убийством интересуетесь? – сменил он тему.

– Интересуюсь, – кивнула я. – Отец вам о нем что-нибудь рассказывал?

– Батя хоть и алкаш, но дураком не был. А также на тот свет не спешил. Поэтому рта не раскрывал. Уже когда его убили, мамаша соседям похвастала, что, мол, батю из-за этого дела пристукнули.

– Ясно. Значит, ваш отец на самом деле ничего не видел, а это все выдумки вашей матери?

– Нет. Батя что-то видел. Но языком не трепал, рассказал только менту, который здесь крутился, следствие вел. Они вот в этой комнате вели душевную беседу. Мамаша пыталась подслушать, но батя ее шугнул. А когда мент ушел, стал беспокоиться, мол, не свалил ли он дурака, все рассказав, теперь затаскают по судам и все такое. Мамаша опять к нему с расспросами полезла, а он ее отшил: «Не лезь и все, мол, чем меньше знаешь, тем дольше проживешь». Вечером батя пошел в соседский двор в домино играть и назад уже не вернулся. В пять утра возле подъезда его дворник обнаружил с пробитой головой. Вот и вся история.

– Если ваш отец никому не рассказал о том, что увидел в ту ночь, возможно, его убили по другой причине. Пьяная ссора...

– Вы не поняли. Отец все рассказал менту. И через несколько часов был убит.

Видимо, на моем лице слишком явно отразилось изумление, потому что парень неожиданно расхохотался.

– Что, не верите? – спросил он через пару минут и покачал головой. – Еще бы... А вы знаете, кого здесь расстреляли из автоматов? Трех авторитетов. Кому это было нужно и что такого увидел мой отец? И почему испугался, когда менту все рассказал?

– Кажется, я поняла, что вы имеете в виду, – подумав, кивнула я.

– Такая версия для газеты не подходит? – усмехнулся он.

– Не в этом дело. Просто маловероятно, что убийство было совершено сотрудниками милиции.

– В милиции тоже люди. Причем разные. Собрались единомышленники с автоматами, предъявили документ, вошли, открыли пальбу и избавили город от криминальной верхушки. Неплохо, правда?

– Это вы сами придумали или отец вам все-таки что-то рассказал?

– Отец что-то рассказал менту и поплатился за это жизнью.

– А фамилию этого самого мента вы не запомнили?

– Нет, меня в то время не было в городе, но, как он выглядел, могу сообщить: молодой, высокий, светлые волосы, симпатичный, и улыбка у него хорошая – вот так примерно. Я ведь этим тоже интересовался... Можете съездить к маме, адрес я дам. Только о том убийстве она точно ничего не знает. А вот про мента, возможно, и расскажет чего. Память у старушки железная.

– Вы ведь не думаете всерьез, что вашего отца убил милиционер? – спросила я.

– Батя был, конечно, алкаш и пользу государству приносил мизерную, да и то сомнительно, но и алкашу голову пробивать все-таки не следует. Так что убийца, кто бы он ни был, должен сидеть в тюрьме... Адрес написать?

– Напишите, – кивнула я.

Через пять минут я уже сидела в машине, зачем-то включила дворники и наблюдала за ними. Конечно, доверять словам этого парня довольно глупо, в перерывах между запоями он, должно быть, смотрит боевики, а на досуге любит пофантазировать.

И все-таки что-то меня очень беспокоило. Может, Сашка прав, я в самом деле занялась ерундой и это убийство никакого отношения к Илье не имеет? Однако, если уж начала, стоит во всем этом еще покопаться.

Я выехала на проспект и взглянула на данный мне адрес. Улица Первомайская находилась в северном районе, довольно далеко отсюда. Визит я решила отложить. Проехав пару кварталов, заметила вывеску ресторана «Славянка» и вспомнила, что не позаботилась об ужине. Конечно, можно перекусить в клубе у Сашки, но сегодня я не расположена встречаться с любимым старшим братом. Вновь взглянула на вывеску. Когда-то мы любили заезжать сюда... Я решительно свернула, нашла место на стоянке и направилась к дубовым дверям, украшенным разноцветными лампочками. Было светло, и иллюминацию еще не включили.

Зал выглядел пустынным, занято всего несколько столов, я села в глубине, неподалеку от эстрады. Тут же подошла официантка и приняла заказ.

Я откинулась на стуле, машинально потянулась за сигаретой, но вовремя одернула себя:

– С сегодняшнего дня бережем здоровье.

Девушка вернулась, расставила передо мной тарелки и с улыбкой пожелала приятного аппетита. Я ела, размышляя о недавнем разговоре, и не сразу заметила Мирона.

– Привет, – сказал он, я повернулась и узрела его по соседству со своим столом.

– Здравствуй, – ответила я без всякой радости. Он взял стул и уселся напротив. Взгляд колючий. Дорогой костюм сидел на нем как седло на корове, а в целом Мирон выглядел паршиво: мальчиком на побегушках, каковым всегда и являлся.

– Зачем пожаловала? – спросил он, я удивилась, пожала плечами и указала на тарелку. Он хохотнул. – Да неужели? Поужинать заехала?

– Почему тебя это удивляет? – не поняла я.

– Потому что это мой ресторан, – хмыкнул он.

Что-то новенькое, выходит, я здорово отстала от жизни.

– Я не знала, – посмотрев на него, сказала я. – Хочешь, чтобы я ушла?

– Вовсе нет, – усмехнулся он. – Окажи честь моему заведению.

– Брось паясничать. – Я поморщилась.

– Не могу поверить, что ты оказалась здесь случайно. – Он облокотился на стол и уставился на меня.

– Не можешь, не верь. Ехала мимо, вспомнила, что ужин дома меня не ждет, да и просто никто не ждет, увидела знакомое название и свернула. Если бы знала, кто здесь хозяин, конечно, проехала бы мимо. Извини, я не собиралась мозолить тебе глаза.

– Вот так, значит. А я думал, ты хочешь поговорить.

– О чем? – удивилась я.

– Илья возвращается, тебя это не беспокоит?

Теперь усмехнулась я.

– Ты же знаешь, Илья меня бросил. Если он говорит «нет», это надо понимать буквально. Так что... – Я развела руками.

– Как ты думаешь, что он будет делать?

Наверное, я здорово вытаращила глаза, потому что Мирон неожиданно смутился.

– Ему здесь ничего не светит, – проронил он поспешно. – Решит все вернуть, наживет неприятности.

– Зря ты мне это говоришь, меня ваши дела не касаются.

Он засмеялся.

– Ты пять лет сидела сиднем, нигде не показываясь, а за две недели до его возвращения вдруг решила вести светский образ жизни?

– Может, мне просто надоело сиднем сидеть, – хохотнула я. – В конце концов, у Ильи своя жизнь, а у меня есть своя. Разве не так?

– Ты его больше не ждешь? – хмыкнул он.

– Жду, – ответила я. – Но это не значит, что он ко мне вернется.

– Пошли его к черту. Не так уж он и хорош, раз позволил упечь себя в тюрьму. Ты красивая баба, и на свете полно мужиков.

– Интересно, – улыбнулась я. – Не себя ли ты предлагаешь?

– А почему бы и нет?

– Действительно, – согласилась я. – Почему бы и нет?

– Говорят, он имеет на тебя большой зуб.

– Серьезно? А причина такой немилости тебе известна?

Мирон засмеялся.

– Он поймал тебя с любовником. Разве нет? Любовничка уколошил, а теперь ждет встречи с тобой.

Я отложила вилку в сторону и посмотрела на него.

– Мирон, сколько лет ты меня знаешь? Скажи, я похожа на женщину, которая наставляет рога своему мужу?

Мирон покачал головой и отвернулся, избегая моего взгляда.

– Тогда не очень понятно, почему Илья тебя бросил, – изрек он через некоторое время.

– Вернется, и узнаю, – пообещала я.

– Если он захочет тебя выслушать, постарайся втолковать Илье, что ему здесь ничего не светит. – Мирон придвинулся поближе и добавил, заглядывая в глаза: – И дело даже не во мне. Все очень изменилось. Очень. – Он кивнул, вроде бы хотел что-то еще добавить, но вместо этого откинулся на стуле, отвел взгляд и еще раз кивнул.

– Спасибо, – немного помолчав, ответила я. – Передам, разумеется, если он захочет меня выслушать, как ты сам только что отметил.

Я поискала глазами официантку, Мирон, сообразив, что я собираюсь расплатиться, хмыкнул и сказал:

– Брось. За счет заведения.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила я и поднялась.

Он молча проводил меня до двери, я сказала: «До свидания», он кивнул в ответ и вроде бы порывался что-то сказать, но в последнее мгновение передумал, нахмурился, отрывисто бросил: «Пока» – и вернулся в зал.

Интересно, что он пытался донести до моего сознания, какая такая мысль вертелась у него на языке и почему он не рискнул ее высказать? Для давнего врага он вел себя довольно миролюбиво, и это тоже заставляло задуматься.

Я села в машину и с трудом покинула стоянку, какой-то умник оставил новенький «БМВ» прямо посередине дороги. Я покачала головой и улыбнулась.

Эту «восьмерку» я заметила на светофоре. Пропустив пару машин, она пристроилась позади меня. К дому я ехала не спеша, то и дело поглядывая в зеркало. «Восьмерка» висела на хвосте, изо всех сил стараясь быть незаметной. Навыков слежки у ребят не было, как, впрочем, и у меня навыков ведения следствия – и тут, и там сплошное дилетантство. Я засмеялась, а

въезжая во двор, помахала рукой на прощание. «Восьмерка» стремительно набрала скорость и исчезла из поля зрения.

– Обиделись, – вздохнула я и поднялась к себе. Марина с Мурзиком играли в кухне.

– Мне домой надо, – вздохнула Марина и тут же попросила: – Можно я завтра приду? И погуляю с ним, котика надо приучать к улице.

– Буду тебе очень благодарна, – заверила я, после чего девчушка ушла, а мы с Мурзиком устроились на диване.

Часов с двенадцати я стала с нетерпением поглядывать на телефон. Приготовила постель, но спать не легла. Котенок клубком свернулся на подушке, а я кругами бродила по комнате.

– Ну, давай, позвони мне, – глядя на телефон, шептала я, боясь, что сработает закон подлости: то этот тип изводил меня звонками, а теперь, когда я очень жду, вдруг забудет о том, что я есть на белом свете.

Он не забыл, звонок раздался без трех минут час. Я торопливо сняла трубку, на том конце провода молчали.

– Эй, – позвала я. – Это ты? Ответь мне...

– Ну, я. – Он вроде был чем-то недоволен.

– Жду с двенадцати часов, боялась, вдруг не позвонишь.

– Да? С чего это ты стала ждать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.